
**О.А. Коростелев,
А.А. Холиков
(Москва)**

**ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ:
ПУБЛИЦИСТИКА Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1917-1918 ГГ.
(ИЗ НЕВОШЕДШЕГО В АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ)***

Авторы публикуют и подробно комментируют публицистические выступления Д.С. Мережковского 1917-1918 гг., по большей части не переиздававшиеся и не входившие в прижизненные сборники писателя. Во вступительной статье воссоздаются основные вехи на пути, который Мережковский прошел в своих размышлениях о современности перед вынужденным бегством за рубеж.

The authors publish and examine in detail journalistic articles of D.S. Merezhkovsky (1917-1918), most of which have not been republished and is not included in the collections of the author's works published during his life. At the same time the proposed study reconstructs the main stages on the path of the writer in his reflections about the present just before the emigration.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, публицистика, Февральская революция, Октябрьская революция.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, journalism, the February Revolution, the October Revolution.

В большинстве своем дореволюционные статьи Д.С. Мережковского (1865-1941) хорошо известны и даже по-своему популярны: они включались отдельными томами в его собрания сочинений (как прижизненные, так и посмертные) [Холиков 2014], неоднократно перепечатывались в периодике и выходили отдельными книгами. Между тем существует ряд текстов доэмигрантского периода, которые практически неизвестны не только широкому читателю, но и большинству филологов. Во-первых, они не включались в регулярно переиздающиеся авторские сборники, а во-вторых, до сих пор отсутствует полная библиография критико-публицистических работ писателя (особенно тех, которые были созданы в период с 1914 до 1919 гг.) [Холиков 2014, с. 6]. Однако и хорошо известные статьи Мережковского (за исключением книги «Вечные спутники», выпущенной в серии «Литературные памятники» [Мережковский 2001]) нуждаются в тщательном текстологическом изучении и переиздании с более полным и точным, чем мы имеем на сегодняшний день, научно-справочным аппаратом.

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432).

Настоящая публикация является первой попыткой научного издания статей Мережковского 1917–1918 гг., которые не вошли в его последний прижизненный сборник, появившийся в России: Невоенный дневник. 1914–1916. Пг.: Кн-во «Огни», 1917. На его обложке значилось иное по сравнению с титульным листом название: «От войны к революции. Дневник 1914–1917» — и оно точнее передает тот путь, который в своих размышлениях о современности прошел писатель перед вынужденным бегством за рубеж. Отметим на нем основные вехи.

Незадолго до Февральской революции, 25 января (7 февраля) 1917 г., Мережковские вернулись в Петроград из Кисловодска. К тому времени они уже давно переехали из знаменитого дома Мурузи на Сергиевскую улицу, 83 (кв. 17). Произошло это еще в 1912 г. По воспоминаниям З.Н. Гиппиус, «взяли квартиру первую попавшуюся: очень большую на Сергиевской, у самой решетки Таврического сада. С моего балкона виден был и соседний Таврический дворец, — где помещалась Государственная Дума...» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 199]. Неудивительно, что все главные исторические события революционных лет Мережковские наблюдали из домашнего окна. Подробно эти дни и месяцы описаны в дневниках Гиппиус.

В записи от 1 (14) марта, то есть накануне отречения Николая II, читаем: «Дмитрий даже сегодня пришел в “розовые тона”, ввиду обилия войск дисциплинированных» [Гиппиус 1999, с. 464]. В тот же день Мережковские гуляли по городу, празднуя победу революции: «Мы вместе вышли на улицу, к Таврической решетке, в толпу. И в толпе все почти знакомые, да и незнакомые, улыбались нам, как друзьям. Погода была удивительная: легкий мороз и нежная солнечная метель. Такие бывают летние дожди под солнцем. Снежинки, падая, отливали радугой» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 220]. Спустя годы, оглядываясь в прошлое, Гиппиус заметит, что это «был, собственно, последний день революционной радости» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 220].

После перехода власти к Временному правительству (напомним, что одновременно в Петрограде, Москве и других городах стали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов) Мережковские находились в эйфории. 10 (23) марта их посетил А.Н. Бенуа, отметивший, что лозунг дня у писательской четы — «поддерживать всеми силами правительство, и в частности Керенского, которого они хорошо знают лично и от которого все трое в восхищении». И далее: «Я убежден, что они согласились бы увидеть “львовых на всех постах”, только бы не случилась та “русская революция до конца” <...> о которой они под крылышком монархии столько лет мечтали, будучи в глубине души уверены, что этот “праздник” никогда не наступит!» [Бенуа 2003, с. 168–169] Бенуа оказался дальновиден. Радостное настроение Мережковских постепенно сменялось напряжением в отношениях с А.Ф. Керенским¹ [Колоницкий 1991], а позднее — и разочарованием во Временном правительстве.

14 (27) марта Керенский (тогда — министр юстиции) лично посетил Мережковских. Из дневника Гиппиус известно: «Часов около шести нынче

приехал Керенский. Мы с ним все неудержимо расцеловались. Он, конечно, немного сумасшедший. Но пафотически-бодрый. Просил Дмитрия написать брошюру о декабристах (Сытин обещает распространить ее в миллионе экземпляров), чтобы, напомнив о первых революционерах-офицерах, — смягчить трения в войсках. Дмитрий, конечно, и туда, и сюда: «Я не могу, мне трудно, я теперь как раз пишу роман “Декабристы” (первоначальное название романа “14 декабря”. — О.К., А.Х.), тут нужно совсем другое...” — Нет, нет, пожалуйста, вам З.Н. поможет. — Дмитрий согласился, в конце концов» [Гиппиус 1999, с. 493]. Речь здесь идет о брошюре «Первенцы свободы. История восстания 14-го декабря 1825 г.» (см. то же: Нива. 1917. №№ 16, 17), вышедшей в июле 1917 г. в петроградском издательстве «Народная власть», которым руководили близкие Керенскому правые эсеры. Несмотря на то, что текст подписан фамилией Мережковского, его авторство остается под вопросом и, скорее всего, принадлежит Гиппиус. Об этом свидетельствует еще одна дневниковая запись супруги писателя от 25 марта (7 апреля): «[Все вожусь с этими “декабристами” для Керенского. Здоровье потеряла!]² [Техтман 2007, с. 153].

В тот мартовский день, когда Керенский побывал в квартире на Сергиевской, 83, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) принял обращение «К народам всего мира». Мережковский откликнулся на него статьей «14 марта», опубликованной в газете «День» (см. ниже). По словам Гиппиус, «Речь» ее отвергла, ибо статья была тона примирительного и во многом утверждала декларацию советов о войне. Несмотря на то, что Дмитрий в статье стоял ясно на правительственном, а не на советском берегу, и строго это подчеркивал, — “Речь” не могла вместить; она круглый враг всего, что касается революции. Даже не судит — отвергает без суда» [Гиппиус 1999, с. 504].

Согласно мнению Мережковского, выраженному в этой статье, между Петросоветом и Временным правительством не должно быть никаких разногласий в вопросе о войне и мире: «Именно здесь, больше, чем где-либо, революционная Россия должна быть единою и нераздельною»³. Писатель активно выступал против того, чтобы делить свершившуюся революцию на «буржуазную» и «пролетарскую»: «Русский интеллигент может смело смотреть в глаза русскому солдату и рабочему. Он без них ничего бы не сделал, но и они без него ничего бы не сделали. Без интеллигентского “слова-логоса” не совершилась бы русская революция, точно так же, как без штыка солдатского, без рабочего молота. Интеллигенция — воплощение народного разума. Да не отречется же русская революция от своего разума». Сказано за два года до того, как В.И. Ленин в письме А.М. Горькому от 15 сентября 1919 г. назовет «буржуазных интеллигентов» не «мозгом» нации, а ее «говном» [Ленин 1970, с. 48].

Выступление Мережковского буквально пронизано антивоенным пафосом: «Никогда еще люди столько не лгали, как за эти три года войны, — столь-

ко не лгали и не убивали. Потому и лгали, что убивали; потому и убивали, что лгали». В этом отношении публикуемый текст перекликается со статьей «Война и религия» (впервые: Русское слово. 1914. № 276, 30 нояб. (13 дек.)), включенной в «Невоенный дневник. 1914-1916». У войны, по убеждению Мережковского, в отличие от революции, нет религиозного смысла. Писатель отрицал войну не только разумом, но и чувством сына, беспредельно любившего свою мать. Недаром в годы Первой мировой войны они с Гиппиус особенно часто вспоминали стихотворение Н.А. Некрасова «Внимая ужасам войны...» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 240]. Позиция по вопросу о войне не могла не отразиться на отношениях писателя с современниками, многие из которых войну приняли. Среди них оказались А.В. Карташев (с 25 июля (7 августа) 1917 г. — последний обер-прокурор Святейшего Синода) и Д.В. Философов.

Керенский, в отличие от Мережковского, подверг обращение «К народам всего мира» критике. Возлагая надежды на будущую декларацию Временного правительства о задачах войны, он пригласил писателя в министерство для разговора. «Представляется, — считает Б.И. Колоницкий, — что таким образом Керенский хотел подготовить видных публицистов, оказывавших немалое воздействие на формирование общественного мнения, к восприятию готовящейся компромиссной декларации и ослабить возможную критику “слева”» [Колоницкий 1991, с. 100]. Встреча с Керенским состоялась утром 25 марта (7 апреля) и не произвела на Мережковского положительное впечатление («По рассказу Д<митрия> С<ергееви>ча, — пишет Гиппиус, — свиданье выходило нелепое. Дело шло о правительственной декларации насчет войны <...>» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 222–223]). В результате на принятую 27 марта (9 апреля) декларацию Временного правительства Мережковский не откликнулся. 29 марта (11 апреля) вместе с Гиппиус и Философовым он принял участие в совещании писателей, актеров и драматургов в Зимнем дворце, на котором решался вопрос об «автономии» театров, а уже 1 (14) апреля опубликовал в пасхальном номере «Русского слова» статью «Ангел революции» (см. ниже), которая в очередной раз показала: революция социальная имела для Мережковского смысл лишь при условии одновременной религиозной революции, точнее, единства их, полного слияния. Именно этому и была посвящена вся деятельность писателя до 1917 г., как литературная, так и общественная (романы, статьи, трактаты, Религиозно-философские собрания). И хотя в этом отношении он себе не изменил («Декабрьским восстанием русская революция начата, февральским — кончена. И вся она, от начала до конца, пронизана духом Христовым, духом любви жертвенной»), но оптимистичным публикуемый текст назвать трудно. По нему уже видно, что Мережковский всё больше осознает, как нелегко «соединить воскресение России с Воскресением Христовым, красное яичко — с красным знаменем».

Через неделю, 8 (21) апреля, почти сразу после возвращения Ленина в Петроград, ознаменовавшегося историческим выступлением на площади

перед Финляндским вокзалом, Мережковские отправились в Кисловодск. «Жить на Кавказе, — по признанию Гиппиус, — было довольно тяжело. Издали всё казалось мутнее и страшнее. Помнится — встречались мы там с ген. Рузским, с офицерами... Д<митрий> С<ергеевич> читал какую-то лекцию о революции и о Петре I... Хаос там явно нарастал. Д<митрий> С<ергеевич> волновался, мечтал о Петербурге...» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 223–224] Тем временем в мае была впервые издана пьеса Мережковского «Романтики» (Пг.: Кн-во «Огни», 1917), а самого писателя включили в Совет по делам искусств, образованный при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора [Летопись 2005, с. 560]. В свою очередь, в Кисловодске Мережковским и Философову удалось организовать газету «Грядущее» [Соболев 1993]. Вышло всего два номера: за август и сентябрь. В первом — «отрывочные заметки» писателя «О патриотизме» (см. ниже), в которых, как и в только что опубликованных «Романтиках», затрагивалась одна из важнейших тем творчества Мережковского — судьбы русской интеллигенции: «Как трагично положение русского сознания, — русской интеллигенции. Она ненавидела самодержавие. А вся Россия была самодержавною. Самодержавие было не маской, а лицом России. Самодержавие казалось внутренней сущностью, душой России. Но вот самодержавие свергнуто. Теперь, кажется, можно бы любить Россию свободную. Отчего же нет этой любви? Что мешает?»

Более развернуто (отсюда — некоторые дословные повторы, которые мы не копируем) на эту же тему Мережковский высказался в статье «Есть Россия» (см. ниже), вышедшей в «Русском слове» уже после возвращения писателя в Петроград, которое состоялось 8 (21) августа и сопровождалось тесным общением с Б.В. Савинковым, «великим русским патриотом» (по определению самого Мережковского) [Революционное христовство 2009]. В апреле 1917 г. он вернулся в Россию из эмиграции, а с июля стал управляющим военного министерства при Керенском.

В условиях надвигающейся катастрофы (июльский кризис, массовое дезертирство на фронте) утвердительное заглавие статьи «Есть Россия» было призвано убедить в первую очередь интеллигенцию, которая, как и сам Мережковский, всегда «любила Россию идеальную, свободную и ненавидела реальную, рабскую», в том, что в складывающихся исторических обстоятельствах необходим патриотизм. Если прежде в своих умозрительных революционных призывах Мережковский доходил до того, что надеялся «не на государственное благополучие и долгоденствие, а на величайшие бедствия, может быть, гибель России как самостоятельного политического тела и на ее воскресение как члена вселенской Церкви, Теократии» [Мережковский 1906, с. 54–55], то теперь, столкнувшись с реальными последствиями чаемой революции, он в полной мере осознал, что «не Россия для революции, а революция для России; не революцию надо спасать сначала и потом уже Россию, а сначала Россию и потом уже революцию». При этом, будучи верным своим

антивоенным настроениям, Мережковский последовательно отделяет «патриотизм» от «империализма» и «милитаризма»: «Любить Россию и значит любить эту глубочайшую сущность ее — внутренний интернационализм, абсолютное отрицание войны, абсолютное утверждение мира — братство народов».

Задолго до Февральской революции, в 1908 г., Мережковский признался: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским <...>» [Мережковский 1914, с. 54]. В августе 1917-го рассуждения писателя приобрели иной характер: «Нелюбовь к родине — болезнь рабства. У рабов нет родины. Только дети свободны. Рабы — не дети. У рабов нет матери — нет родины». Уже в эмиграции между Мережковскими состоялся знаменательный диалог на эту же тему: «— Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? Она думала минуту. — Свобода без России, — отвечала она, — и потому я здесь, а не там. — Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... — и он задумывался, ни на кого не глядя, — на что мне собственно нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой? И он замолкал <...>» [Берберова 1996, с. 283].

На следующий день после выхода статьи «Есть Россия», 23 августа (5 сентября), Мережковские ненадолго уехали на дачу в Дружноселье близ Сиверской, где жили сестры Гиппиус. Бытовые условия заметно ухудшились: «После юга мы сразу перешли почти на голодный паек. О белом хлебе забыли и думать. Но что еще будет!» [Гиппиус 1999, с. 535]. А далее происходили события, в которых Мережковский, если верить Гиппиус, «линии часто не имел» и находился «весь в мгновенных впечатлениях» [Гиппиус 1999, с. 570]: Корниловский мятеж, отставка Савинкова. 27 сентября (10 октября) в Петрограде в Драматическом театре состоялась премьера пьесы «Павел I». Примерно тогда же был издан «Невоенный дневник. 1914–1916», в отзыве на который Иванов-Разумник сделал пронизательный вывод: «Крушение всех былых надежд — вот чем должна быть для Д. Мережковского и для многих русская революция» [Иванов-Разумник 1917, с. 5].

Так и было. Октябрь 1917 г. писатель воспринял как контрреволюционный путч, пришествие темных сил, преступление политических проходимцев, и одновременно — великий грех народа, допустившего их к власти. «Вот холодная, черная ночь 24–25 октября. Я и Д<митрий> С<ергеевич>, закутанные, стоим на нашем балконе и смотрим на небо. Оно в огнях. Это обстрел Зимнего дворца, где сидят “министры”. Те, конечно, кто не успел улизнуть» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 226]. В своих воспоминаниях Гиппиус уверяет, что из всего их окружения Мережковский «оказался самым прозорливым. Еще в марте, когда у многих не погасла первая радость, он объявил: “Нашу судьбу будет решать Ленин”» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 222]. Но, судя по ее же дневниковой записи от 6 (19) марта, эти слова произнес Философов [Гиппиус 1999, с. 481]. Как бы то ни было, но уже через месяц

после Октябрьской революции, 26 ноября (9 декабря), Мережковский выступил на большом митинге в защиту свободы печати, который прошел в Петрограде в кинематографе «Солейль» (Невский проспект, 48). Речь писателя, посвященная Ленину, была опубликована под красноречивым заглавием «Упырь» в газете «Новая речь» (см. ниже).

Мережковский одним из первых провел параллели между самодержавием Романовых и политикой лидера большевиков. Не только в их отношении к свободе слова, но и по целому ряду других пунктов: «оба самодержавия обманывают народ чудесами, “царством Божьим на земле” — теократическим или социалистическим»; «оба самодержавия хотят, поработив, осчастливить»; «оба самодержавия взывают к “воле народа”; но народ для них — слепая стихия — не народ, а чернь, “черная сотня”». Однако наибольшую угрозу писатель усматривал в том, что «главнейший погром, по замыслу обоих самодержавий, обращен на русскую интеллигенцию».

Но если в следующей статье «1825–1917», опубликованной в декабре 1917 г. в газете «Вечерний звон» (см. ниже), Мережковский еще возлагал надежды на интеллигенцию как на «разум и свет народа», «силу освобождающую» («Надо же, наконец, правду сказать: подлинный “авангард русской революции” — не крестьяне, не солдаты, не рабочие, а <...> герои Четырнадцатого и мы, наследники их — русские интеллигенты — “буржуи”, “корниловцы”, “калединцы”, “враги народа”, “изменники революции”»), то через несколько месяцев, после разгона Учредительного собрания и краха былых надежд, 12 мая 1918 г. писатель выступил в Тенишевском училище с лекцией «Россия будет (Интеллигенция и народ)» (повторение объявлялось на 29 мая там же) и высказал в адрес интеллигенции критические замечания. Текст лекции был полностью опубликован в двух июньских номерах газеты «Наш век» (см. ниже). Первая часть выступления (до слов «Теперь больше чем когда-либо должно сказать: да здравствует февраль! да здравствует революция!») появилась также в журнале «Южный огонек» (1918. №№ 15, 16), а начало второй (заканчивая фразой «И, может быть, единственное не мертворожденное дитя нашей “социалистической” революции будет именно он, так называемый мелкий, грешный или святой, буржуй») вышло под названием «Революционная демократия» (Новые ведомости. 1918. № 79, 6 июня (24 мая)).

Мережковского ужасает, что русская интеллигенция, как и русский народ, забыла о Христе. Писатель с горечью признает, что в споре о религиозном существе русского народа оказался прав В.Г. Белинский, а не Н.В. Гоголь или Ф.М. Достоевский: «Не только в своем теперешнем атеизме, но и в своей прежней религиозности, православно-самодержавной, — народ был таким же “нехристом и безбожником”, как атеистическая интеллигенция». При этом Мережковский не отвергает социализм, но, приспособляясь к жестким предлагаемым обстоятельствам, ставит вопрос о том, «соединима ли социальная проблема с проблемой религиозною?» И хотя писатель признает, что «все попытки “христианского социализма” неудачны», он всё же пытается-

ся «наивно, символически, почти мифологически» (по собственным словам) говорить о том, что в самом учении о царстве Божием *на земле* уже разрешен вопрос о власти «как проблема социально-экономическая»: «Атеистической основе социализма, предложенной дьяволом, Христос противопоставляет основу религиозную: “Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим”. — “Я есмь хлеб жизни”».

Между тем именно отсутствие хлеба заставило Мережковских пойти на компромисс с утверждавшейся советской властью. «Вот люди! — читаем в дневниковой записи К.И. Чуковского от 15 октября 1918 г. — Ругали меня на всех перекрестках за мой якобы большевизм, а сами только и ждут, как бы к большевизму примазаться. Не могу ли я достать им письмо к Лордкипанидзе? Не могу ли я достать им бумагу — охрану от уплотнения квартир? Не могу ли я устроить, чтобы правительство купило у него право на воспроизведение в кино его “Павла”, “Александра” и т.д.?» [Чуковский 2013, с. 230]. Следует отметить, что после революции был снят запрет на постановки «Павла I» Мережковского. 15 февраля 1918 г. в петроградском Театре Незлобина состоялась премьера пьесы (реж. К. Марджанов). В том же году вышел роман «14 декабря». Январь 1919-го отмечен премьерой спектакля «Александр I» (реж. Н. Попов) по одноименному произведению Мережковского в Московском драматическом театре (сад «Эрмитаж»). А с февраля началось активное сотрудничество писателя с горьковским издательством «Всемирная литература», где он получал паек и возможность заработка. Горький сетовал на Мережковского: «<...> он у меня, как фокстерьер, повис на горле — вцепился зубами и повис» [Чуковский 2013, с. 272].

По дневниковым записям Чуковского можно судить о материальном положении писателя в то время: «Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал: — Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что “Мережковский умирает с голоду. Требуется, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до зарезу”. Между тем не прошло и двух недель, как я дал Мережковскому пятьдесят шесть тысяч, полученных им от большевиков за “Александра”, да двадцать тысяч, полученных Зинаидой Н. Гиппиус. Итого 76 тысяч эти люди получили две недели назад. И теперь он готов унижаться и симулировать бедность, чтобы выцарапать еще тысяч сто» [Чуковский 2013, с. 254]. Или другая: «Сейчас был у меня Мережковский — второй раз. Он хочет, чтобы я похлопотал за него пред Ионовым, чтобы тот купил у него “Трилогию”, которая уже продана Мережковским Гржебину. Вопреки обычаю, Мережк. произвел на этот раз отличное впечатление. <...> Марья Борисовна предложила ему пирожка, он попросил бумажку, завернул — и понес Зинаиде Николаевне. Публичная Библиотека купила у него рукопись “14 декабря” за 15000 рублей» [Чуковский 2013, с. 261].

4 апреля 1919 г. состоялась еще одна премьера. В Москве в бывшем Театре Ф.А. Корша по пьесе Мережковского поставили «Царевича Алексея»

(реж. А. Петровский). В течение одного только месяца спектакль выдержал 14 представлений [Андрущенко 2000, с. 734], а 30 августа перед зрителями со вступительным словом «Цари на сцене» выступил А.В. Луначарский, подчеркнув, что «пьесы Мережковского ничего контрреволюционного в себе не имеют» [Литературная жизнь 2005, с. 381]. Тем временем положение усугублялось. Из неблагонадежного бунтаря писатель превращался в яркого контрреволюционера. Сбывались самые мрачные его предсказания.

Мысль об отъезде из России у Мережковского родилась еще в 1918 г., но до конца лета 1919-го он еще надеялся на Белое движение, а после поражения армий А.В. Колчака и А.И. Деникина начал действовать решительно: «Я подал заявление в Петроградский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, что желаю по болезни уехать за границу. Получил ответ: “Не выпускать ни в коем случае”» [Мережковский 2001, с. 68]. Ночами писатель взвешивал для себя две возможности: «Что лучше, погибать со всеми или спастись одному?» [Мережковский 2001, с. 70] — и выбрал спасение, бегство: «Три раза всё уже было готово и только в последнюю минуту срывалось. Сначала хотели бежать через Финляндский фронт, потом через Латышский и, наконец, через Польский» [Мережковский 2001, с. 70–71]. Под предлогом чтения лекций в красноармейских частях мглисто-розовым вечером 24 декабря 1919 г. Мережковские покинули город. На поезде и в розвальнях, по лесу и целине, опасаясь доноса и минуя заставы, они добрались до польского фронта: «— Кто вы? — Русские беженцы. — Откуда? — Из Петрограда. — Куда? — В Варшаву, Париж, Лондон. Познанский легионер подал знак, ворота открылись, и мы переехали черту заповедную, отделяющую тот мир от этого» [Мережковский 2001, с. 75]. Одну жизнь от другой.

Несмотря на то, что после бегства из России имя Мережковского исчезло из советской печати не сразу и периодически возникало в публичном пространстве: статья «Герцен и мещанство» вошла в сборник под ред. Иванова-Разумника «А.И. Герцен. 1870 — 21 января — 1920» (Пб.: Гос. изд-во, 1920); 25 марта 1920 г. в БДТ состоялась премьера спектакля «Царевич Алексей» (реж. А. Бенуа, при участии А. Лаврентьева); в июле вышла книга «Царевич Алексей. Трагедия в 5 д.» (Пб.: Гос. изд-во, 1920); тогда же, в 1922 г., в петроградском Драматическом театре Народного дома 20 января прошла очередная премьера спектакля «Александр I» (реж. А. Кугель и К. Тверской), — публикуемые нами статьи оказались по сути последним письмом в бутылке, которую мореплаватель кидает в море перед крушением. «Наш век, — не без сожаления писал Б.М. Эйхенбаум в 1922 г., — век кризисов и век жестокости. <...> В числе других — и кризис критики, связанный с уничтожением того, что именовалось у нас интеллигенцией. Ее больше нет. Ведь недавно еще читали Айхенвальда, слушали и брали из библиотеки Мережковского. Теперь это — далекое прошлое» [Эйхенбаум 1922, с. 13].

* * *

Статьи Мережковского печатаются нами в хронологическом порядке по первым публикациям. Только одна из них («Упырь») полностью, но без примечаний, воспроизводилась после смерти писателя («Свободное слово не может быть страшно для демократии» / Публ. и коммент. И. Мочалова // Дружба народов. 1991. № 10. С. 236–237; фрагмент этой же статьи см. в кн.: Блюм А. От неолита до Главлита. СПб.: ОАО «Искусство России»; Изд-во имени Н.И. Новикова, 2009. С. 92–93). Мы не даем текст «Революционной демократии» (впервые: Новые ведомости. 1918. № 79, 6 июня (24 мая). С. 5), поскольку он целиком вошел во вторую часть публикуемого текста «Россия будет (Интеллигенция и народ)». Пунктуация приведена к современной в той части, которая зависела не от Мережковского, а от его эпохи. Специфические особенности, свойственные индивидуальной творческой манере писателя, по возможности сохранены. Без изменений оставлены и неточные цитаты (оговорены в примечаниях), исправлены лишь заведомые опечатки. В примечаниях полные выходные данные книг и сборников Мережковского указываются только при первом упоминании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В Керенском, — вспоминает Гиппиус, — было много привлекательного. С виду он напоминал немножко Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное — в нем была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и — кажется, обманчивая — решительность. Но была в нем, увы, и женская истеричность. В его “мальчишестве” мы не ошибались, но оно было особого рода: такое, с каким рождаются — и умирают» [Гиппиус-Мережковская 1951, с. 218].

² ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 148. Фраза «первенцы свободы» впоследствии вошла в стихотворение Гиппиус «14 декабря 1918 года».

³ Здесь и далее цитаты приводятся по публикуемым статьям.

ЛИТЕРАТУРА

Андрущенко 2000 — *Андрущенко Е.А.* Примечания // Мережковский Д.С. Драматургия. Томск: Водолей, 2000. С. 674–767.

Бенуа 2004 — *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918 / Вступ. ст. Дж.Э. Боулта и Н.Д. Лобанова-Ростовского. М.: Русский путь, 2003. 704 с.

Берберова 1996 — *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В. Витковского; Коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996. 734 с.

Гехтман 2007 — *Гехтман М.В.* Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М.: НПК «Интелвак», 2007. 157 с.

Гиппиус 1999 — *Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. 733 с.

Гиппиус-Мережковская 1951 — *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 310 с.

Иванов-Разумник 1917 — *Иванов-Разумник*. С Антихристом за Христа // Дело народа. 1917. № 181, 15 окт. 6 с.

Колоницкий 1991 — *Колоницкий Б.И.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106.

Ленин 1970 — *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 51. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. 573 с.

Летопись 2005 — Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3 (1911 — октябрь 1917) / Ред.-сост. М.Г. Петрова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 670 с.

Литературная жизнь 2005 — Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 766 с.

Мережковский 1906 — *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции (К юбилею Достоевского). СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. 152 с.

Мережковский 1914 — *Мережковский Д.С.* Красная Шапочка // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. Т. 16. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. 50–56.

Мережковский 2001 — *Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николукина. СПб.: РХГИ, 2001. 656 с.

Мережковский 2007 — *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 902 с.

Революционное христовство 2009 — «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 447 с.

Соболев 1993 — *Соболев А.Л.* «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // De visu. 1993. № 2. С. 42–43.

Холиков 2014 — *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

Чуковский 2013 — *Чуковский К.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 11: Дневник. 1901–1921 / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской; Предисл. В.А. Каверина. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 589 с.

Эйхенбаум 1922 — *Эйхенбаум Б.* «Методы и подходы» // Книжный угол. 1922. № 8. С. 13–23.

14 марта

После первых дней февральского восстания, день 14-го марта, когда принято было в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов обращение «К народам всего мира», есть один из величайших дней русской революции.

Что русская революция — не только русская, это с первых шагов ее было нам ясно в предчувствии. И вот предчувствие исполняется. Обращенная донныне только к России, к своему народу, русская революция обращается и «к народам всего мира».

Совершилось то, чего мы все ждали так жадно и трепетно, — русская революция заговорила о войне и мире.

Что всемирная война есть начало всемирной революции, нам, если не всем, то некоторым, было тоже ясно в предчувствии. И вот исполняется и это предчувствие.

Таков смысл 14-го марта.

«Российская демократия призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира. И мы обращаемся прежде всего к германскому пролетариату. Мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего самодержавного порядка подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самодержавие, — и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую всё человечество».

Вот, наконец, правда о войне. Мы еще сейчас не видим, как велика эта правда: мы так долго были во тьме, во лжи, что слепнем от солнца, от правды.

Никогда еще люди столько не лгали, как за эти три года войны, — столько не лгали и не убивали. Потому и лгали, что убивали; потому и убивали, что лгали. Никогда еще люди так усердно не служили «отцу лжи и человекоубийце», дьяволу.

А тем, кто лгать не хотел, оставалось только молчать или хрипеть, как раздавленным, с веревкой на шее.

Но вот, наконец, веревка снята, — заговорили молчавшие и сказали правду о войне: «страшная бойня, позорящая всё человечество». Да, всё, — не только наших врагов, но и нас, и наших союзников. Не одна сторона виновата — виноваты обе стороны.

За войну отвечает, кто начал войну. Но кто начал? Русские говорят: немцы; немцы говорят: русские. Когда разнимают двух мальчишек дерущихся, оба кричат: «не я начал, а он»; но не важно, кто начал, а важно, что дерутся. Вильгельм напал на Николая или Николай — на Вильгельма, — не всё ли равно? Немцы пошли за Вильгельмом, русские — за Николаем. И те, и другие виноваты одинаково.

Чтобы рассудить двух спорящих, нужен третий. Третий между народами воюющими — революционный народ.

Если народы воюют каждый за свою национальную правду, как за абсолютную, то эта война безысходная, бесконечная, — война «на истребление»,

ибо двух абсолютов быть не может — один другим уничтожается. Бесконечность этой войны — конец, самоистребление человечества.

Иного конца не может быть в плоскости воюющих правд национальных; иной конец может быть только в плоскости правды единой, всепримиряющей, всечеловеческой. Такой конец всемирной войны и есть начало всемирной революции.

«Мы освободили не только себя, но и весь мир», — сказано было на том же заседании 14-го марта. Слова чрезмерные; мы освободили пока только себя. Но мы поняли, что не освободим себя окончательно, не освобождая весь мир.

До революции мы лгали, утверждая, что эта война освобождает мир. И правы были немцы, возражая нам: прежде чем освобождать других, освободите себя. Теперь мы говорим правду: эта война — не война, а восстание мира за свободу мира. И если всемирная история не «дьяволов водевиль», не хаос и бессмыслица, то совершённое в духе совершится и во плоти, победившие в духе победят и во плоти.

Да, что вся идеальная правда о войне сказана в воззвании 14-го марта, — в этом нет сомнения. Сомнение начинается только тогда, когда возникает вопрос, как перейти от правды идеальной к реальному действию.

В идеальной правде воззвания — воля к миру есть воля к войне; эти две воли не расходятся. Едва ли даже немцы могли бы усомниться в том, что сейчас России нужен мир, как еще никогда ни одному из народов воюющих, но мир не отдельный («сепаратный»), ибо такой мир был бы изменой не только нашим союзникам, но и нам самим — русской революции, как делу всемирному; такой мир на челе освобожденной России был бы клеймом позора несмываемым.

Пусть пораженческий клич: «Мир во что бы то ни стало» и ребяческие надписи на красных знаменах: «Долой войну!» — только сумасшедший бред или провокация, — пусть так. Но что именно здесь, в вопросе о войне и мире, возможно колебание и в воле тех, кто призван быть выразителем революционной воли народа, видно по военному приказу № 1, принятому Советом в самую грозную, решающую минуту восстания. Надо правду сказать: если эта ошибка не сделалась преступлением, «открытием фронта», то только благодаря чуду. Не приказ № 2, не другие приказы Совета или даже Временного Правительства, а именно чудо, происшедшее в революционных войсках, ошибку исправило: весь фронт мгновенно дрогнул, едва не открылся, но так же мгновенно сомкнулся, закрылся, еще крепче окреп, восстанавливая порядок нарушенный. Это тихое чудо порядка едва ли не больше, чем громовое чудо самой революции. Но такими чудесами искушать судьбу не следует.

И в воззвании 14 марта, если не в идеальной правде его, то в реальном действии, слышится отзвук той же роковой ошибки, того же колебания воли. По самому воззванию нельзя решить, сознает ли Совет с достаточной ясностью, что сейчас воля к миру не может не быть волей к войне; нельзя решить, сходятся или расходятся эти две воли.

«Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой». Вот и всё о войне. Этого мало, этого совсем недостаточно, если действительно мы освобождаем «не только себя, но и весь мир». Себя раздавить не позволим, а Бельгию, Сербию, Польшу, Армению? Ведь они уже раздавлены. И это мы позволим? О, конечно, дело идет не о завоеваниях, не об «аннексиях» — будь они прокляты, — но о неизбежном переделе мира после мировой войны, о невозможности вернуться к тому «старому корыту» старых национально-государственных границ, которое привело к «страшной бойне, позорящей всё человечество».

Воззвание как будто настаивает на до-революционном «оборончестве». Но «оборончество», точно так же, как «пораженчество», после революции кончено. Теперь «всё новое». Воззвание умалчивает о защите не только своей, но и чужой свободы, о восстановлении раздавленных, о переделе мира, «красном переделе» свободы — и этим умолчанием, сохраняя всю идеальную правду свою, уменьшает свое реальное действие.

Как будто сознавая опасность этих колебаний, опасность того, что воля к миру может и не быть волей к войне, председатель Совета, Н.С. Чхеидзе, предостерегает: «Обращаясь к немцам, мы не выпускаем из рук винтовки. Центр воззвания вовсе не в том, что мы устали и просим мира».

Хорошо, что предостережение сделано, но было бы еще лучше, если бы его не надо было делать.

В одной руке — винтовка, а другая — братски протянута. «Если вы не лжете, бросьте сначала винтовку, а потом протягивайте братски руку», — могут сказать немцы. И это будет провокация. Провокации бояться нам нечего, но под тем условием, что мы, в самом деле, освобождаем не только себя («оборончество»), но и весь мир («передел мира»). Нельзя говорить о братстве, защищая только себя, но можно, — защищая себя и других.

Такова опасность идеальной правды без реального действия — в самом воззвании. Но главная опасность не в нем самом, а в том, что оно исходит не от лица всей революционной России. Не вся Россия — в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Волю всей России Совет выражает не в большей степени, чем Временное Правительство. Воля всей России — не в разъединении, а в соединении этих двух сил. Именно здесь, в вопросе о войне и мире, не должно быть никаких разделений между Советом и Правительством, не должно быть «двух правительств». Именно здесь, больше, чем где-либо, революционная Россия должна быть единою и нераздельною. Именно здесь всякое разделение есть «раскрытие фронта», его «прорыв». Единая Россия не должна разъединяться пред лицом единой Германии, а, наоборот, должна ее разъединить.

Совет сказал слово свое о войне и мире «к народам всего мира». Временное Правительство еще не сказал. Пусть же скажет и оно. Только тогда, когда оба скажут вместе, это будет слово всей революционной России.

Почему Совет счел нужным выступить с воззванием от народа к народу, от рабочего класса России к рабочему классу Германии, помимо «буржуаз-

ного» правительства, — это понятно с точки зрения программы социал-демократической. Народ есть класс, и всякое правительство не классовое, не пролетарское — «буржуазно» и народу враждебно. Его можно «терпеть», но верить ему нельзя — надо держать камень за пазухой. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и низвергайте свои «буржуазные» правительства во имя всемирного «класса-народа», во имя всемирной социальной революции.

«Обращаясь ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне, мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран». Всех стран — и русского революционного правительства тоже? Вот социал-демократический камень за пазухой, вот классовое разделение единой России, «раскрытие фронта», его «прорыв» зияющий.

Такова «программа». Но жизнь в том исполинском размахе, который мы сейчас переживаем, ни в какие программы не вмещается, валит их, как карточные домики.

Утверждение, что народ есть уже «класс», в условиях совершающейся, но не совершившейся, политической революции, — такое утверждение — опять-таки идеальная правда без реального действия. Нет, народ еще не класс.

Судьбы русского рабочего народа точно так же, как судьбы русской буржуазии, неразрывно связаны с революционными судьбами русской интеллигенции. От Радищева до Рылеева, от Желябова до Каляева и вплоть до настоящего героя волшебного-прекрасных, солнечно-вьюжных мартовских дней, А.Ф. Керенского, — великая русская интеллигенция есть великая русская революция, не «буржуазная», не «пролетарская», а единая и нераздельная. Русский интеллигент может смело смотреть в глаза русскому солдату и рабочему. Он без них ничего бы не сделал, но и они без него ничего бы не сделали. Без интеллигентского «слова-логоса» не совершилась бы русская революция, точно так же, как без штыка солдатского, без рабочего молота. Интеллигенция — воплощение народного разума. Да не отречется же русская революция от своего разума.

В Совете Рабочих и Солдатских Депутатов бьется глубокое сердце, — во Временном Правительстве крепнет высокий разум народа. Да не будет же сердце наше безумным и разум наш — бессердечным! Пусть соединится глубокое сердце революционной России с ее высоким разумом — Совет с Правительством — именно здесь, во всерешающем вопросе о войне и мире, больше, чем где-либо!

Русская революция, почти бескровная — единственное чудо всемирной истории. Но не забудем, какую кровавую цену куплено это чудо бескровности. Не двести красных гробов на Марсовом поле, а неисчислимое множество непогребенных там, на полях сражений, от Балтийского моря до Черного — вот эта цена святая и страшная. Не за Россию разделенную, «пролетарскую» и «буржуазную», а за Россию единую пали все эти павшие. Для них, для всех

революция была уже войною, а война была уже революцией. Не предадим же их, соединимся с ними, живые с умершими.

Да скажут не разню, а вместе Совет с Правительством слово свое о войне и мире. Пусть единое слово скажет единая революция.

И пусть не медлит. Каждая минута сейчас дорога, каждая минута подобна вечности.

Не только Россия, но и народы всего мира этого слова ждут.

Впервые: День. 1917. № 16, 23 марта (5 апр.). С. 3.

...день 14-го марта, когда принято было <...> обращение «К народам всего мира»... — Речь идет о составленном Н.Н. Сухановым (Гиммером) обращении Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета) «К народам всего мира», принятом на заседании Совета от 14 (27) марта 1917 г., в котором были впервые сформулированы основы советской внешней политики, известной как «революционное оборончество» и признававшей необходимость участия российского пролетариата в защите от внешнего врага. Подробнее см.: Костяев Э.В. Манифест Петроградского совета «К народам всего мира» от 14 марта 1917 года — первый официальный документ «революционного оборончества» // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 3 (27). С. 129–132.

...русская революция заговорила о войне и мире. — Отсылка к словам из обращения «К народам всего мира»: «Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 15, 15 (28) марта. С. 1). Обращение Петроградского Совета к народам всего мира опубликовали также «Правда» (№ 9, 15 марта. С. 1), «Рабочая газета» (№ 8, 15 марта. С. 2), «Речь» (№ 63, 15 марта. С. 5), «День» (№ 9, 15 марта. С. 3), «Маленькая газета» (№ 63, 16 марта. С. 4), «Петроградский листок» (№ 63, 15 марта. С. 1–2).

«Российская демократия призывает народы Европы <...> всё человечество». — У Мережковского очень вольный пересказ, объединивший куски нескольких абзацев в один: «<...> российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов и призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям. И мы обращаемся к нашим братьям-пролетариям австро-германской коалиции и, прежде всего, к германскому пролетариату.

С первых дней войны вас убеждали в том, что, поднимая оружие против самодержавной России, вы защищаете культуру Европы от азиатского деспотизма. Многие из вас видели в этом оправдание той поддержки, которую вы оказали войне. Ныне не стало и этого оправдания: демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне.

Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего самодержавного порядка подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров, — и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы» (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 15, 15 (28) марта. С. 1).

Вильгельм напал на Николая или Николай — на Вильгельма, — не всё ли равно? — 31 июля (13 августа) 1914 г. Россия объявила превентивную мобилизацию. В тот же день германский император и король Пруссии Вильгельм II (1859–1941), кузен российского императора Нико-

ляя II (1868–1918), заявил о «состоянии угрозы военной опасности». 1 (14) августа, после того как ультиматум о прекращении мобилизации остался без ответа, германский посол Фридрих фон Пурталес вручил российскому министру иностранных дел С.Д. Сазонову ноту об объявлении войны, в которой ответственность возлагалась на правительство России.

«Мы освободили не только себя, но и весь мир», — сказано было на том же заседании 14-го марта. — Юрий Михайлович Стеклов (Овший Моисеевич Нахамкис; 1873–1941) заявил в своей речи на заседании Петросовета 14 (27) марта 1917 г.: «Все мы до гробовой доски не забудем дней, которые пережили в Петрограде. Когда мы посеем, мы будем рассказывать своим детям, своим внукам о великой русской революции, которая освободила не только русский народ, но весь мир от самого тяжелого, ужасного ярма, которое над ним тяготело» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: В 5 т. Л.: Наука, 1991. Т. 1. С. 304–305).

...видно по военному приказу № 1... — Приказ, изданный объединенным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 (14) марта 1917 г., согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а выборным комитетам из представителей «нижних чинов» и Совету.

Не приказ № 2, не другие приказы Совета или даже Временного Правительства... — Приказ № 2, разъясняющий смысл Приказа № 1 (в частности, разъяснялось, что он касался лишь Петроградского гарнизона, а по отношению к армии предполагалось выработать особые правила), был утвержден на заседании Исполнительного комитета 6 (19) марта и наутро опубликован: День. 1917. № 2, 7 марта. С. 3. Речь шла о том, что Совету рабочих и солдатских депутатов петроградские солдаты обязаны подчиняться только в своей общественной и политической жизни, а в вопросах, относящихся до военной службы, — военным властям (см.: Заславский Д.О., Канторович Вл.А. Хроника февральской революции. Т. 1: 1917 г. Февраль — май. Пг.: Былое, 1924. С. 74).

«Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой». — См.: Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 15, 15 (28) марта. С. 1.

...председатель Совета, Н.С. Чхеидзе, предостерегает: «Обращаясь к немцам, мы не выпускаем из рук винтовки. Центр воззвания вовсе не в том, что мы устали и просим мира». — Николай Семенович Чхеидзе (1864–1926) вошел в состав Временного исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 27 февраля (12 марта) 1917 г. и был избран его председателем (см.: Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 267–269). Мережковский приводит цитату из речи Н.С. Чхеидзе на заседании Петросовета 14 (27) марта, фрагмент которой был напечатан в газетном отчете (Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов // Речь. 1917. № 63 (3805), 15 (28) марта. С. 5).

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... — лозунг, заключающий обращение «К народам всего мира», впервые высказанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» (1848). Д.С. Мережковский также цитировал эти слова в работе «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (впервые: Весы. 1906. № 2–4), в которой пересматривал свое прежнее отношение к самодержавию и православной церкви: «<...> душа русской революции — социал-демократия, уже и теперь соборно-вселенская и, следовательно, бессознательно-религиозная. “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” — этот призывный клич, напоминающий крик журавлей, нигде еще не раздавался с такой недостигаемо-далекой и торжественно-грозною, словно апокалипсической, надеждою или угрозою, как именно в русской революции» (Мережковский Д.С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского). СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 39).

«Обращаясь ко всем народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войне, мы заявляем, что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран». — См.: Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 15, 15 (28) марта. С. 1.

От Радищева до Рылеева, от Желябова до Каляева и вплоть до настоящего героя волшебно-прекрасных, солнечно-вьюжных мартовских дней, А.Ф. Керенского... — В романе «14 декабря» (СПб.: Кн-во «Огни», 1918) Д.С. Мережковский воспроизведет фрагмент из книги Александра Николаевича Радищева (1749–1802) «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790): «Если бы закон, или государь, или какая-либо на земле власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою, — и поживешь на памяти благородных душ до скончания веков» (*Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 163*). В публицистике Мережковский обращался к Радищеву нечасто: в статье «Революция и религия» (впервые: Русская мысль. 1907. №№ 2, 3), вошедшей в книгу «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908), он предстает как «революционер-атеист», а в «Последнем святом» (впервые с подзаголовком «Серафим Саровский»: Русская мысль. 1907. №№ 8, 9) из того же сборника называется «безбожником», который «завопил от святого гнева» о рабстве. Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826) — один из пяти казенных руководителей декабрьского восстания 1825 года — стал героем двух романов трилогии «Царство Зверя»: «Александр I» (отрывки печатались в газете «Русское слово»; полностью впервые: Русская мысль. 1911. №№ 5, 6, 10–12; 1912. №№ 1, 3, 4, 10–12) и «14 декабря»; упоминается в публицистических работах: «Революция и религия», «Декабрист Булатов» (вошла в книгу: Невоенный дневник. 1914–1916. Пг.: Кн-во «Огни», 1917; на обложке: «От войны к революции. Дневник 1914–1917»), «1925–1825» (впервые: Современные записки. 1925. № 26). Об Андрее Ивановиче Желябове (1851–1881) — члене Исполнительного комитета «Народной воли» и одном из организаторов убийства императора Александра II — Мережковский писал в статье «Религиозное народничество» (вошла в сборник: Было и будет. Дневник: 1910–1914. Пг.: Тип. «Труд», 1915). Эсер и террорист Иван Платонович Каляев (1877–1905), убивший московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, упоминается как друг Б.В. Савинкова в статье Мережковского «Савинков и Врангель» (впервые: Свобода. 1920. № 68, 5 окт.). См. также многочисленные упоминания Каляева в кн.: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009 (по именному указ.). Об отношениях Мережковского с Александром Федоровичем Керенским (1881–1970), который в марте 1917 г. занимал пост министра юстиции во Временном правительстве, см.: *Колоницкий Б.И. А.Ф. Керенский и круг Мережковских (1917 год) // Петроградская интеллигенция в 1917 году: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. О.Н. Знаменский. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1990. С. 53–82; Колоницкий Б.И. А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106. 25 марта (7 апреля), через два дня после выхода публикуемой статьи, Мережковский встречался с Керенским, о чем в своем дневнике оставила запись З.Н. Гиппиус: «К сожалению, Дмитрий вернулся от Керенского какой-то растерянный и растрепанный, и без толку, путем ничего не рассказал. Говорит, что Керенский в смятении, с умом за разумом, согласен, что правительственная декларация необходима. Однако не согласен с манифестом 14 марта, ибо там есть предавание западной демократии. (Там есть кое-что похуже, но кто мешает взять только хорошее?) Что декларация пр-вом теперь вырабатывается, но что она вряд ли понравится “дозорщикам” и что, пожалуй, всему пр-ву придется уйти (поэтому?). О Совете говорил, что это “кучка фанатиков”, а вовсе не вся Россия, что нет “двоевластия” и пр-во одно. Тем не менее, тут же весьма волновался по поводу этой “кучки” и уверял, что они делают серьезный нажим в смысле мира сепаратного» (*Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николукина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 504*).*

...двести красных гробов на Марсовом поле... — 23 марта (5 апреля) 1917 г. на Марсовом поле в Петрограде состоялись похороны жертв Февральской революции. В братскую могилу было опущено 180 гробов, обтянутых красной материей. Ср. дневниковую запись З.Н. Гип-

пиус от 25 марта (7 апреля) того же года: «Были похороны “жертв” на Марсовом поле. День выдался грязный, мокрый, черноватый. Лужи блестели. Лавки заперты, трамваев нет, “два миллиона” (как говорили) народу, и в порядке, никакой Ходынки не случилось» (*Гиттиус* 3. Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 505).

Ангел революции

Вид его был как молния.

Мф. 28, 3

Соединять воскресение России с Воскресением Христовым, красное яичко — с красным знаменем найдется много охотников. Но можно ли их сейчас соединить, — вот вопрос.

— Какая великая радость-то будет! Колокол-то московский Ивана Великого сам придет к вам по воздуху. Когда его повесят, да в первый раз ударят, и он загудит, тогда мы с вами проснемся. Вся вселенная услышит и удивится. Среди лета запоют Пасху! Приедет к нам царь и вся фамилия! — предсказывал Серафим Саровский, «последний святой».

Предсказание исполнилось: почти накануне первой русской революции 1905 года Николай II приехал в Дивеево на открытие мощей Серафима. Совершилась «Пасха Господня», «воскресение мертвых» — соединение последнего царя с последним святым.

— Но эта радость будет на самое короткое время, — продолжал Серафим предсказывать. — Что же далее будет?.. Такая скорбь... чего от начала мира не было...

И светлое лицо «батюшки» вдруг изменилось, померкло; «опустя головку, он поник долу, и слезы струями полились по щекам».

И это предсказание тоже исполнилось: совершилась русская революция. Для Серафима революция — конец самодержавия — есть конец православия, а конец православия — конец мира, пришествие Антихриста.

Вот отчего светлое лицо его померкло и всё больше меркнет, темнеет, чернеет, становится лицом «черных сотен», лицом Гришки Распутина.

От Серафима к Распутину — таков путь самодержавия и путь православия, потому что самодержавие с православием на этом пути неразрывно связаны: «Другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Не страшна связь Николая с Распутиным, но воистину страшна связь его с Серафимом, последнего царя с последним святым. Распутин — весь ложь; Серафим — весь или как будто весь истина. Гришкин пепел развеян по ветру; Серафимовы мощи нетленны. Легко сказать: Гришке — анафема; но Серафиму не скажешь. Св. Серафим — душа «Святой Руси». Его проклясть — душу свою проклясть?

Православие не может отречься от своей последней, предельной серафимовой святости, а Серафим не может отречься от самодержавия. Царь —

«помазанник Божий», царь от Бога — от Христа; революция — против царя, против Христа; революция — Антихрист.

Таково отношение русской религии (если православие есть русская религия по преимуществу) к революции; совершенно противоположно отношение русской революции к религии.

31-го декабря 1825 года на площади уездного города Василькова (близ Киева) прочитан был восставшему Черниговскому полку революционный «Православный катехизис», написанный вождем восстания, членом южного тайного общества, подполковником Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом.

«Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Вопрос. — Для чего Бог создал человека?

Ответ. — Для того, чтоб он в Него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос. — Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. — Без свободы нет счастья. Святой апостол Павел говорит: “Ценою крови куплены есте, не будете раби человекам”.

Вопрос. — Для чего же русский народ и русское воинство несчастны?

Ответ. — Оттого, что цари похитили у него свободу.

Вопрос. — Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. — Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един Царь на небеси и на земли Иисус Христос.

Вопрос. — Какое правление сходно с законом Божиим?

Ответ. — Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал Апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос. — Стало быть, Бог не любит царей?

Ответ. — Нет. Они прокляты суть от Него, яко притеснители народа, а Бог есть человеколюбец.

Вопрос. — Что же, наконец, подобает делать христоролюбивому русскому воинству?

Ответ. — Для освобождения родины своей и для исполнения святого закона христианского ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу России».

Восстановить веру и свободу вместе. Свобода с верою, свобода с Богом, свобода со Христом — со Христом революции, самодержавие — с Антихристом. Нельзя религиозно-сознательнее и, вместе с тем, проще, всенароднее сказать то, что здесь сказано.

Декабрьским восстанием русская революция начата, февральским — кончена. И вся она, от начала до конца, пронизана духом Христовым, духом любви жертвенной. Может быть, с первых времен христианских мучеников не было во всемирной истории явления более христианского, более Христова, чем русская революция. Дух Христов, религиозное действие пламенеет в

ней; но религиозное сознание, исповедание, имя Христово меркнет. Совершая дело Христово, революция от самого Христа отрекается или как будто отрекается.

Отречение или как будто отречение от Христа произошло в первом всенародном торжестве русской революции, в шествии красных гробов 23-го марта 1917 года. Первая веха русской свободы — могила бескрестная. Тысячу лет назад Россия крестилась; ныне снимает или как будто снимает с себя крест.

Ошибка ли это, измена Христу? Нет, не измена и не ошибка. Не от Христа отреклась революция, а от тех, кто сам от Него отрекается; не Христу изменила, а тем, кто сам Ему изменяет. Именем Христовым благословила бы церковь убитых за революцию, точно так же, как благословляла убивающих, проводила бы павших за свободу в могилу братскую, точно так же, как проводила их на виселицы. В обоих случаях кощунство одинаково. Революция не захотела кощунствовать, — осталась верною духу Христову.

Но пока дух без плоти и плоть без духа, еще не совершилось Воскресение. Нет, не так-то легко соединить воскресение России с Воскресением Христовым, красное яичко — с красным знаменем.

«Отчего же одному русскому кажется, что праздник этот празднуется, как следует, в одной его земле? Мечта ли это? Не затем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит, в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова “Христос воскрес!” и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гудят и гудят по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно признаки, так недаром носятся; где будят, — там разбудят» (Гоголь).

Да, отчего нам кажется, что праздник этот «воспразднуется, как следует, прежде у нас, нежели у других народов?» Отчего это пророчество никогда еще не казалось нам таким близким к исполнению, как сейчас? Отчего Россия никогда еще за тысячу лет христианства так не хотела сказать, как сейчас: «Христос воскрес!» — и все-таки не может сказать?

Нет, еще не воскрес, пока дух без плоти и плоть без духа. В революции, в темных толпах человеческих, как в темных недрах земли («сошествие в ад»), дух без плоти, Христос неузнанный, неназванный, непрославленный, а в церкви, как в гробе, плоть без духа, плоть Христа невоскресшего.

«И положил его в гроб, и, привалив большой камень к двери гроба, удался.

И поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать.

По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришли Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб.

И вот сделалось великое землетрясение: ибо ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем.

Вид его был как молния, и одежда его бела как снег.

Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали как мертвые.

Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого.

Его нет здесь: Он воскрес».

Да, его нет здесь, во гробе — в церкви. Мы еще не видели Христа воскресшего, но мы уже видели великое землетрясение, и камень от гроба отваленный, и стерегущих, которые стали как мертвые, и ангела, подобного молнии, ангела революции, который нам сказал: «Христос воскрес».

Впервые: Русское слово. 1917. № 73, 1 (14) апреля. С. 2.

...предсказывал Серафим Саровский, «последний святой». — Серафиму Саровскому (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1754/9–1833), основавшему Дивеевскую женскую обитель и канонизированному в 1903 г., посвящена статья Д.С. Мережковского «Последний святой», вошедшая в сборник «Не мир, но меч. К будущей критике христианства».

...почти накануне первой русской революции 1905 года Николай II приехал в Дивеево на открытие мощей Серафима. — 19 июля (1 августа) 1903 г. в Сарове проходили торжества прославления мощей преподобного Серафима, в которых участвовал Николай II, способствовавший причислению старца к лику святых, а также другие члены императорской фамилии.

...«опустя голову, он поник долу, и слезы струями полились по щекам». — Д.С. Мережковский дает описание Серафима Саровского после произнесения им пророчества о будущем Дивеевской обители, приведенного в тексте публикуемой статьи (см.: Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря... / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). 2-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903).

...становится лицом «черных сотен», лицом Гришки Распутина. — Под «черными сотнями» подразумеваются запрещенные после Февральской революции 1917 г. организации, придерживавшиеся монархических, ультраправых и антисемитских взглядов, а также их сторонники. Отношение Д.С. Мережковского к Григорию Ефимовичу Распутину (1869–1916), крестьянину Тобольской губернии, прославившемуся благодаря дружбе с семьей императора Николая II и приобретшему скандальную репутацию, выражено в «Записной книжке. 1919–1920» (впервые под заглавием «Предчувствия (Из дневника 1919–1920 г.)»: Свобода. 1920. № 10, 28 июля; № 13, 31 июля): «В последние дни царя Николая стоило взглядеться в лицо Распутина, чтобы понять: это бред, наваждение; это не может длиться долго» (*Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 60*). З.Н. Гиппиус вспоминала, как в 1912 г. они получили приглашение баронессы В.И. Иксуль побывать у нее и увидеться с Распутиным: «Д<митрий> С<ергеевич> отнесся к предложению равнодушно. Распутин, лично, его не интересовал» (*Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 200*).

31-го декабря 1825 года на площади уездного города Василькова (близ Киева) прочитан был восставшему Черниговскому полку революционный «Православный катехизис», написанный вождем восстания, членом южного тайного общества, подполковником Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом. — Сергей Иванович Муравьев-Апостол (1796–1826), подполковник Черниговского полка, один из лидеров декабристского движения, возглавлявший Васильковскую управу Южного общества, при участии М.П. Бестужева-Рюмина составил «Православный катехизис» для организации восстания против монархической власти. Далее в публикуемой статье текст этого документа выборочно цитируется Д.С. Мережковским (см. полностью: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. / Общ. ред. и вступ. ст. И.Я. Щипанова. М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1951. Т. 2. С. 191–

193). В статье «Революция и религия», вошедшей в сборник «Не мир, но меч. К будущей критике христианства», «Православный катехизис» трактуется Мережковским «как основание нового религиозно-общественного порядка, абсолютно противоположного всякому порядку государственному» (*Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений: В 24 т. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 13. С. 49).

Декабрьским восстанием русская революция начата, февральским — кончена. — Речь идет о восстании декабристов, состоявшемся в Петербурге 14 (26) декабря 1825 г. и легшем в основу романа Д.С. Мережковского «14 декабря». События Февральской революции 1917 г. оцениваются писателем в публикуемых нами статьях.

... в шествии красных гробов 23-го марта 1917 года. — См. примечание к статье «14 марта».

«Отчего же одному русскому кажется <...> там разбудят» (Гоголь). — Д.С. Мережковский с неточностями цитирует «Светлое Воскресенье» (1846), одну из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя (ср.: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 416). См. также работу Мережковского «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (СПб.: Изд. «Пантеона», 1909; впервые под заглавием «Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и религия»: Новый путь. 1903. № 1–3; первое отд. изд. под заглавием «Гоголь и черт. Исследование» — М.: Скорпион, 1906).

... праздник этот «воспринимается, как следует, прежде у нас, нежели у других народов?» — цитата из «Светлого Воскресенья» Н.В. Гоголя (см. предыдущее примечание).

... «сошествие в ад»... — Перевод греческого выражения κατέβητα εἰς τὰ κατώτατα, или латинского *descendit ad inferos*, которое употребляется в тексте Апостольского Символа веры. Д.С. Мережковский также использовал его в названии статьи, посвященной «Рассказу о семи повешенных» Л.Н. Андреева и вошедшей в сборник «В тихом омуте» (СПб.: Тип. акц. общ. тип. дела (Герольд), 1908). Считается, что сошествие в ад произошло во второй день пребывания Христа во гробе и вспоминается за богослужением Великой субботы.

«И положил его в гроб <...> Он воскрес». — Мф. 27:60–28:6.

О патриотизме (Отрывочные заметки)

Демократия не поддержала займа свободы.

Заем свободы — заем спасения России — заем патриотический.

Это вотум недоверия со стороны революционной демократии Временному Правительству в его патриотизме, в деле спасения России.

Необычайное во всемирной истории явление — нелюбовь целого народа к самому себе.

Похоже на сумасшествие коллективное. Самоубийство, самоистребление. Не только немцы, но и союзники так бы сказали. От святости или от дикости? Насчет святости сомнительно. Уж скорее от дикости, от невежества. Но вот был же 1812 г. и 1613 г. Тогда темный народ был достаточно патриотичен: беззаветная любовь тогда спасла Россию.

Нелюбовь к родине — болезнь рабства. У рабов нет родины. Только дети свободны.

Рабы не дети.

Как трагично положение русского сознания, — русской интеллигенции. Она ненавидела самодержавие. А вся Россия была самодержавною. Самодер-

жавие было не маской, а лицом России. Самодержавие казалось внутренней сущностью, душой России.

Но вот самодержавие свергнуто. Теперь, кажется, можно бы любить Россию свободную. Отчего же нет этой любви? Что мешает?

Начало революции было патриотическое, не классовое, а общенациональное. И русская интеллигенция участвовала в революции, как исторический революционный авангард.

Самодержавие губило Россию в войне. Чтобы спасти Россию, народ восстал в патриотическом порыве. Но это длилось два-три первых дня. Ослепительная любовь к России, как молния, сверкнула, разбила цепи и потухла, как молния.

Явилась лукавая формула: любить можно Россию «постольку, поскольку» — это не противоречит «интернационалу».

Правда — не «интернационала», конечно, а «интернационализма» — абсолютное отрицание войны. Эта правда совпадает с глубочайшей национальной сущностью России. У нас физиологическое отвращение к насилию. Эта особенность русская очень ярко выразилась в Л. Толстом.

Мы, русские люди, и военные и штатские, никогда не любили и не любим войну. Война везде сама себя уже преодолевает, везде воюют теперь уже без прежнего вкуса. Но у нас это отвращение к войне особенно ярко. «Мы дики, нет у нас законов, мы не терзаем, не казим, боимся крови мы и стонов...» — это у нас, русских, самое древнее, национальное... но и новое, всемирное.

Не оттого ли мы боимся слова «патриотизм», что везде патриотизм связан с империализмом? Но мы до такой степени чужды империализму по самой природе своей, чужды всякой международной захватности, хищности, что бояться — а вдруг мы станем империалистами? Смешно и стыдно. Указывают на империалиста Милюкова. Но что значит хотя бы 40.000 Милюковых-империалистов перед одним Л. Толстым-интернационалистом? Не Милюков, а Толстой определяет национальную сущность России.

Да, русские люди ненавидят войну. Да, они по природе — «всемирники», «всечеловеки».

Универсализм — свойство нашей общественности. Мы только верны себе, когда любим вечный мир, влечемся к всемирному братству народов.

Не кровавого национализма нам нужно бояться в себе — его вовсе нет, — но другой опасности: универсализма бескровного, отвлеченного, аскетического. Аскетизм — восточная умозрительность. Отсутствие чувства исторического реализма, пережиток православия. Надо сделать наш национальный интернационализм не созерцательным, восточным, а действенным, европейским, надо вдвинуть его в историю. Для этого же надо прежде всего России быть, как реальной, исторической силе.

А сейчас как бы нет России. Не то страшно, что она «летит в пропасть» (как нас пугают), а то, что как будто нечему и лететь. Если бы Россия была, невозможны были бы многие современные события: Украина, Финляндия,

июльские дни, катастрофа на фронте... Страшно то, что множество людей, целые общественные группы, говорят, живут, действуют так, точно никакой России нет. В опасности, уверяют они, революция... а не Россия... Какая Россия?

Да, это страшно... Только тот, кто любит — не боится. Совершенная любовь изгоняет страх. Но и несовершенная — борется с ним, побеждает его. Любящие Россию, знающие, что есть Россия, знают, что скоро, с фронта, — с полей смерти, из тыла, — с полей страдания, отовсюду подымутся голоса: есть Россия!

Да, есть Россия, и не прежняя, рабская — а новая, свободная. Не будем же бояться нового свободного, революционного патриотизма, любви к своей родине. Пока жива Россия — жива еще среди мировой бойни великая любовь к миру и братству народов.

Впервые: Грядущее. 1917. № 1, авг. С. 1.

Демократия не поддержала займа свободы. — Чтобы поддержать экономику России в годы Первой мировой войны путем привлечения самых широких слоев общества, Временное правительство по инициативе министра финансов М.И. Терещенко 27 марта (9 апреля) 1917 г. выпустило «Заем свободы», сопровождавшийся агитационной кампанией. По свидетельству М.С. Шагинян, 28 июля (10 августа) в Кисловодске был проведен «торжественный концерт» в фонд займа, билеты на который стоили «аховые» деньги, так как в нем участвовало «много знаменитостей», в том числе Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус (см.: *Шагинян М.* Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худ. лит., 1988. Т. 7. С. 428–429). Несмотря на массовую агитацию, «Заем свободы» не оправдал экономические надежды Временного правительства: с начала июля подписка стала падать (см.: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во АН СССР, 1962). В дневнике Гиппиус от 19 июля (1 августа) того же года сохранилась запись о том, как к ним приходила «куча молодых офицеров», чтобы пригласить читать на вечер «Займа свободы» (см.: *Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николокина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 520).

...вотум недоверия со стороны революционной демократии Временному Правительству в его патриотизме... — В обращении Временного правительства (с 2 (15) марта по 25 октября (7 ноября) 1917 г. — высший исполнительно-распорядительный и законодательный орган государственной власти в России) к населению от 6 (19) марта 1917 г. говорилось: «Правительство верит, что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца» (Вестник Временного правительства. 1917. № 2 (47), 7 (20) марта. С. 1).

Но вот был же 1812 г. и 1613 г. — Речь идет о патриотическом подъеме в Отечественной войне 1812 г. и Земском соборе 1613 г., воплотившем идею национального единства после освобождения Москвы от армии Речи Посполитой.

Но вот самодержавие свергнуто. — 2 (15) марта 1917 г. состоялось отречение Николая II от престола с передачей права наследования великому князю Михаилу Александровичу, который, в свою очередь, обнародовал 3 (16) марта акт о намерении принять верховную власть только после того, как на Учредительном собрании выразится народная воля относительно окончательной формы правления в стране, и тем самым легализовал власть Временного правительства.

Самодержавие губило Россию в войне. — Отношение Д.С. Мережковского к событиям Первой мировой войны нашло отражение в некоторых статьях его сборника «Невоенный дневник. 1914-1916». По воспоминаниям З.Н. Гиппиус, «Д<митрий> С<ергеевич> с первого мгновенья (как и я) стал на позицию самого резкого отрицания войны» (*Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 239).

...любить можно Россию «постольку, поскольку» — это не противоречит «интернационалу». — Д.С. Мережковский выступал против «интернационала» в его марксистском толковании («рабочие не имеют отечества»), о чем развернуто высказывался уже в эмигрантской статье «О свободе и России» (впервые: Новый корабль. 1927. № 1): «Мы должны твердо помнить, что главнейший, опаснейший соблазн нашего врага — ложная всемирность, Интернационал; и мы должны противопоставить этой силе лжи равную силу истины — религиозную силу всемирности. Только во имя национальности мы Интернационала никогда не победим; никогда не спасем России во имя только России» (*Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 248*). При этом с начала Первой мировой войны писатель говорил о «неразрывной связи» между империализмом и национализмом, который «не совпадает метафизически» с патриотизмом («чувством родины») (см.: *Мережковский Д.* О религиозной лжи национализма // Голос жизни. 1914. № 4, 1 (14) ноября. С. 22-24).

У нас физиологическое отвращение к насилию. Эта особенность русская очень ярко выразилась в Л. Толстом. — Отсылка к одному из основных постулатов «толстовства» («непротивление злу насилием»), который восходит к известной евангельской заповеди (Мф. 5:39). См. также: *Холиков А.А.* «Мало ли что из подлости можно сделать!» Об эволюции взглядов Д. Мережковского на учение Л. Толстого // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 454-467.

«Мы дики, нет у нас законов...» — Д.С. Мережковский неточно цитирует строки из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» (1824): «Мы дики, нет у нас законов, / Мы не терзаем, не казним, / Не нужно крови нам и стонов <...>» (*Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4. С. 168*).

Указывают на империалиста Милюкова. — Речь идет о намерении Павла Николаевича Милюкова (1859-1943), занимавшего во Временном правительстве пост министра иностранных дел с марта по май 1917 г., присоединить Галицию и обрести контроль над Константинополем, а также проливами Босфор и Дарданеллы. Ср. дневниковую запись З.Н. Гиппиус от 25 марта (7 апреля) 1917 г.: «А Милюков, на днях, всем корреспондентам заявил опять, прежним голосом, что России нужны проливы и Константинополь. <...> Я и секунды не остаю навливаюсь на том, нужны ли эти чертовы проливы нам или не нужны. Если они во сто раз нужнее, чем это кажется Милюкову, — во сто раз непростимее его фатальная бестактность. Почти хочется разорвать на себе одежды. Роковое непонимание момента, на свою же голову! (И хоть бы только на свою)» (*Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 503).

Если бы Россия была, невозможны были бы многие современные события: Украина, Финляндия, июльские дни, катастрофа на фронте... — 10 (23) июня 1917 г. в Киеве на II Всеукраинском военном съезде был обнародован I Универсал Центральной рады, провозгласивший в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России. 3 (16) июля Временное правительство отправило в Киев телеграмму с постановлением «О национально-политическом положении Украины», содержание которого совпадало со II Универсалом. Уступки Временного правительства спровоцировали июльский кризис: в Петрограде начались антиправительственные выступления, в которых активное участие приняли большевики. См. дневниковую запись З.Н. Гиппиус: «А дальше: дни ужаса 3, 4 и 5-го июля, дни петербургского мятежа. Около тысячи жертв. Кронштадтцы-анархисты, воры, грабители, темный гарнизон явились вооруженными на улицы» (*Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 518). В городе было введено

военное положение. 12 (25) июля финский сейм направил в адрес Временного правительства требование признать «неотъемлемые права Финляндии» и независимость от России во внутренних делах. Июньское наступление русских войск («наступление Керенского») провалилось из-за падения дисциплины в армии. По свидетельству Гиппиус, «наши войска с фронта самовольно бегут, открывая дорогу немцам. Верные части гибнут, массами гибнут офицеры, а солдаты уходят» (*Гиппиус* 3. Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николукина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 519).

Есть Россия

Русская революционная демократия не может быть патриотичной. Непатриотизм, нелюбовь народа к самому себе, — да еще в такую минуту, когда дело идет о существовании этого народа, — есть явление необычайное, единственное во всемирной истории.

Как сладостно отчизну ненавидеть
И [жадно] ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья.

(В. Печерин. 1840 г.)

Это похоже на сумасшествие. Как бы целым народом овладела жажда самоубийства, самоистребления. Не только немцы — наши враги, но и наши друзья, — французы, англичане, — определили бы эту страшную болезнь как сумасшествие.

Отчего же мы так невзлюбили себя? В самом деле от сумасшествия или от дикости? Или от святости?

Насчет святости сомнительно. Неужели это — только новая большевистская перелицовка старой «Святой Руси» с ее мессианским призванием? Уж скорее от дикости, от темноты и невежества. Но ведь вот были же 1812 и 1613 годы. Тогда темный народ был достаточно патриотичен; беззаветная любовь к родине тогда спасла Россию. Неужели с тех пор мы так одичали?

Да, может быть, и одичали. Одичание — от рабства. Нелюбовь к родине — болезнь рабства. У рабов нет родины. Только дети свободны. Рабы — не дети. У рабов нет матери — нет родины.

Русское сознание, русская интеллигенция находилась в положении трагическом. Свято и праведно ненавидели самодержавие.

Самодержавие было не маской, а лицом России, не внешней формой, а внутренней сущностью, душой России.

Петр Великий — настоящий основатель русского самодержавия. Но Петр создал Россию новую, революционную. Вся она Петрова. «С Петра начинается революция в России, которая продолжается и до сего дня», — говорит Пушкин. Петр — величайший русский самодержец и революционер вместе.

«Большевик». Тут самодержавие сплетено с революцией. Да, революционная Россия — Петрова. Николая II легко было свергнуть, но как свергнуть Петра?

О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты уздой железной,
На высоте, над самой бездной,
Россию вздернул на дыбы?

Железная узда порвана, — и Россия падает в бездну.

Это в порядке эмпирическом. А в порядке метафизическом самодержавие связано с православием. В православии глубочайшие корни самодержавия, и революция этих корней еще не коснулась, даже не увидела.

Самодержавие насквозь пронизало Россию. Эмпирически самодержавие, как цепь, вьелось в кости России. И вот теперь вместе с цепью ломаются кости. Метафизически самодержавие вьелось в душу России. Ведь народ, в самом деле, верил, что царь от Бога. Нельзя же в три дня потерять тысячулетнюю веру. Эта вера была душа России, — и вот теперь вынимается душа из России.

Русская интеллигенция любила Россию идеальную, свободную и ненавидела реальную, рабскую. Любила и ненавидела вместе. Наша любовь к России была любовь ненавидящая. Мы не умели отличить нашей любви от ненависти. Нам казалось —

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Именно те были настоящими патриотами, которые отвергали патриотизм с наибольшею силою.

Но вот самодержавие свергнуто. Теперь, казалось бы, можно любить Россию свободную, — любить беззаветно. Не любить и ненавидеть вместе, а только любить.

Отчего же и теперь всё еще нет любви? Что мешает и теперь любить Россию?

Начало русской революции было не классовое, а общенациональное, патриотическое. Не рабочие и не солдаты (как утверждают наши демагоги), а русская интеллигенция была историческим подлинным революционным авангардом (от Рылеева и Пестеля до Керенского и Савинкова). Русская интеллигенция несла эту не классовую, а общенациональную идею революции.

Да, русская революция возникла, несомненно, из революционного патриотизма, из любви к родине. Самодержавие губило Россию в войне. И чтобы в войне спасти Россию, не какой-либо класс, а весь народ восстал в патриотическом порыве. Но это длилось два-три первых дня. Любовь к России сверкнула ослепительно, как молния, разбила цепи, — и потухла, как молния.

И мы опять остались в страшных сумерках. Явилась лукавая, лживая, ползущая, терзающая, сумеречная, двоящаяся формула: «постольку, поскольку»; можно любить Россию постольку, поскольку это не противоречит «интернационалу».

В сущности, нечего возразить против этой формулы. Несмотря на все ошибки и крайности интернационализма, в нем есть абсолютная правда — абсолютное отрицание войны. И поразительно совпадение этой правды интернационализма с глубочайшей национальной сущностью России. Л. Толстой лучше всего выражает эту сущность. Неизбывное «таинство», в самом глубоком смысле этого слова, какое-то вечное метафизическое и физиологическое отвращение к насилию, как системе, как методу государственного творчества, какой-то анархизм прирожденный, естественный, — всё это есть русская национальная особенность.

Вопрос о войне, который, конечно, неразрывно связан с вопросом о патриотизме, и столкнулся с этой русской национальной особенностью.

Мы все, русские люди, и военные, и штатские, просто не любили войны, опять-таки физиологически. Война для нас — как «людоедство». Нельзя уже есть человеческого мяса, нельзя уже воевать. Это — не идея в уме, а физиологическое изменение человеческой природы. Уже нельзя воевать, но воевать еще надо, — сейчас надо больше, чем когда-либо.

Тут трагическая антиномия не только России, но и всего современного человечества: нельзя и надо вместе. Нельзя просто воевать с легким сердцем, как воевали некогда. Сейчас все люди, даже немцы, воюют с тяжестью бессознательной или сознательной. Война везде сама себя внутренне преодолевает, изживает точно так же, как некогда преодолевало, изживало себя людоедство. Всё еще люди едят человечьё мясо, но уже без всякого вкуса, с отвращением и ужасом. Эта безвкусность, гнусность, отвратительность, невозможность, невыносимость войны, — всякой войны, даже «без аннексий и контрибуций», — есть национальная особенность русской и вообще славянской природы. Мы ведь — самая молодая, последняя раса во всемирной истории, и это самое последнее изменение человеческой природы нам особенно свойственно.

Мы дики, нет у нас законов;
Мы не терзаем, не казним,
Боимся крови мы и стонов...

Это в нас, русских, славянах, — самое древнее, национальное и новое, всемирное.

Нас пугают: везде патриотизм связан с империализмом и милитаризмом. Да, везде, только не у нас, в России. В русском народе удивительное отсутствие империализма, международной захватности, хищности. Копим, как Иван Калита, собираем, но не отнимаем. И в самодержавии империализм

был слаб (по сравнению с Англией и Францией). Самодержавный империализм происхождения не русского, а германского. Плохая копия или даже карикатура.

Мы до такой степени неимпериалистичны по самой природе своей, что в последнее время одержимы настоящей манией преследования: везде видим империализм. Обжегшись на молоке, дуем на воду. Империалист Милюков, человек самого среднего роста, превратился для нас в сказочного гиганта. Но что значит один или даже 40,000 Милюковых-империалистов перед одним Л. Толстым-интернационалистом? Не Милюков, а Толстой определяет национальную сущность России.

Константинополь, проливы нам страшно нужны вовсе даже не политически, а экономически, как единственный продух для задыхающегося, как чаша свежей воды для умирающего от жажды. Но мы и от этого продуха, и от этой последней чаши воды отказались, — и скр ен но готовы задыхаться дальше, умирать с жажды, только бы проклятая бойня кончилась. Злейшие враги наши — немцы — не могут не поверить, что в нашем «мире без аннексий и контрибуций» мы искренни. Мы жаждем мира до самоуничтожения, до самоубийства.

Да, интернационализм в нашей крови. Универсализм — свойство русской общественности. Русские люди — «всемирники», «всечеловеки». Отрицание империализма, национализма захватного и есть главное русское национальное свойство. Любить Россию и значит любить эту глубочайшую сущность ее — внутренний интернационализм, абсолютное отрицание войны, абсолютное утверждение мира — братство народов. Для русских, для славян мир (вселенная) есть мир, примирение. Сущность России — любовь к миру, так же, как сущность Германии (а может быть, и всей Западной Европы) — любовь к войне, хотя, конечно, не в теперешнем, людоедском виде. «Война — отец всего», по Гераклиту. Мир есть мир, — это по-русски, по-славянски, и мир есть война, — это по-германски, по-европейски.

Нам нужно бояться в себе не империализма, национализма кровавого, которого вовсе нет и никогда не было в России, а интернационализма, универсализма бескровного, отвлеченного, который всегда у нас был и есть, по крайней мере, в русской интеллигенции, а от нее сейчас перешел и в народные массы. Аскетизм — умозрительность восточная, отсутствие чувства исторического реализма — свойство не только русской интеллигенции, но и всего русского народа (пережиток православного аскетизма). Тут наша «восточная душа».

Надо сделать наш национальный интернационализм не умозрительным, созерцательным, мифологическим, восточным, а реальным, действительным, жизненным, западно-европейским, — надо вдвинуть его в историю. Но для этого, прежде всего, надо быть Р ос с и и, как реальной силе, всемирно-исторической.

А сейчас как бы нет Р ос с и и. Не то страшно, что Россия «летит в пропасть», «гибнет», как нас пугают, а то, что и гибнуть как будто нечему, то,

что России как бы вовсе нет. Если бы Россия была, невозможны были бы отпадение Украины, Финляндии, «Кронштадтская республика» и 37 других республик (по счету одного немца) и 3-5-е июля, и катастрофа на фронте. Множество людей и целых общественных групп сейчас говорят, чувствуют, живут, действуют так, как будто нет России. Всё в России как бы старается доказать, что России нет.

Но вот перелом совершается, разделяется Россия на два стана: на тех, для кого ее нет, и тех, для кого она есть. Нельзя быть между двумя станами, — надо выбрать один из двух бесповоротно, окончательно.

И если мы выберем стан любящих Россию, то не должны стыдиться и бояться нашей любви, лукаво мерить ее «постольку, поскольку», а должны любить бесстрашно, беззаветно, безмерно.

Мы не должны говорить: «русская революция гибнет», подразумевая: «а Россия, может быть, и спасется, погубив революцию»; мы должны сказать: Россия гибнет, и революция с нею погибнет наверно.

Мы должны понять раз навсегда: не Россия для революции, а революция для России; не революцию надо спасать сначала и потом уже Россию, а сначала Россию и потом уже революцию. Не человек для субботы, а суббота для человека. Сейчас вопрос не о том, быть или не быть русской революции, а о том, быть или не быть самой России.

Слово «патриотизм», некогда поруганное самодержавием, теперь снова оправдано и освящено революцией. Не будем же стыдиться и бояться нашего патриотизма революционного — нашей свободной любви к свободной России.

А главное — будем помнить, что нам нужно любить Россию не только для нее самой, но и для всего человечества. Сказать: есть Россия — значит сказать: есть еще и поныне у человечества, среди мировой бойни, великая любовь к миру и братству народов.

Впервые: Русское слово. 1917. № 191, 22 авг. (4 сент.). С. 5.

«Как сладостно отчизну ненавидеть / И [жадно] ждать ее уничтоженья, / И в разрушении отчизны видеть / Всемирного денницу возрожденья. (В. Печерин. 1840 г.). — Вероятно, слово пропущено по вине наборщиков. В статье «Свинья-матушка» (впервые: Речь. 1909. № 300, 1 (14) нояб.), вошедшей в книгу «Больная Россия» (СПб.: Кн-во «Общественная польза», 1910), Д.С. Мережковский цитировал эти же строки без указанного пропуска. Владимира Сергеевича Печерина (1807-1885), поэта, мемуариста, религиозного мыслителя, одного из первых русских диссидентов, писатель сравнивал с П.Я. Чаадаевым и причислял к «странникам», «здешнего града не имеющим, Вышнего Града взыскающим». См. статью «Чаадаев. 1794-1856», вошедшую в «Невоенный дневник. 1914-1916».

Но ведь вот были же 1812 и 1613 годы. — См. примеч. к статье «О патриотизме (Отрывочные заметки)».

«С Петра начинается революция в России, которая продолжается и до сего дня», — говорит Пушкин. — П.В. Анненков в книге «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую

эпоху: 1799–1826 гг.» (СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. С. 95) приводит цитату из заметки А.С. Пушкина «О втором томе “Истории русского народа” Полевого» (1830), которая завершается этим предложением, отсутствующим в текстах научных собраний сочинений писателя. Эта же фраза встречается в романе Мережковского «14 декабря»: «С Петра начинается революция в России, которая продолжается и до сего дня», — вспомнил Голицын слова Пушкина, сказанные Пестелю, когда утром 14 декабря вышел на Сенатскую площадь и взглянул на памятник Петра» (*Мережковский Д.С. Собрание сочинений*: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 80). К жизненному и творческому пути Пушкина писатель обращался неоднократно. Критический очерк о Пушкине, написанный для сборника П.П. Перцова «Философские течения русской поэзии» (СПб.: Тип. М. Меркушева (б. Н. Лебедева), 1896), в переработанном виде и с подзаголовком «Портреты из всемирной литературы» вошел в «Вечные спутники» (СПб.: [П.П. Перцов], 1897; см. также статьи «Праздник Пушкина» (впервые: Мир искусства. 1899. № 13–14); «Пушкин с нами» (впервые: День русской культуры. 1926, 8 июня); «Мудрость Пушкина» (впервые: Сегодня. 1937. № 38, 7 февр.). С апелляции к поэту начинается исследование «Л. Толстой и Достоевский» (впервые: Мир искусства. 1900–1901 [все номера]; 1902. № 2). Даже в художественном творчестве, на страницах романа «Александр I», герои Мережковского горячо спорят о Пушкине. См. подробно: *Фризман Л.Г.* Пушкин в концепции Мережковского // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1991. Т. 50. № 5. С. 454–458; *Крылов В.Н.* Д.С. Мережковский о «миросозерцании» Пушкина // Ученые записки Казанского гос. ун-та. 1998. Т. 136. С. 64–70; *Анненкова Н.В.* А.С. Пушкин в художественном сознании Д.С. Мережковского // А.С. Пушкин и славянский мир. Сургут: [б.и.], 1999. С. 59–61; *Воронцова Т.В.* Пушкин и Мережковский («свое в чужом» в трилогии «Христос и Антихрист») // Пушкин и русская культура. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 2. С. 119–127; *Андрющенко Е.А.* Пушкин в историософских исканиях Мережковского // Пушкин и Крым: IX Крымские Пушкинские Международные Чтения: Материалы в 2 кн. Симферополь: Крымский архив, 2000. Кн. 2. С. 158–162; *Сарычев Я.В.* А.С. Пушкин в концепции Д.С. Мережковского: к вопросу о методологии анализа пушкинского наследия // Творчество А.С. Пушкина и русская культурная традиция. Липецк: ЛГПУ, 2000. С. 84–87; *Минц З.Г.* У истоков «символистского Пушкина» // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 146–149; *Коптелова Н.Г.* Личность и творчество А.С. Пушкина в оценке Д.С. Мережковского // Литература и личность: методический и литературоведческий аспекты: В 2 ч. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. Ч. 1. С. 3–14; *Попова О.С.* Русские мыслители о пушкинской поэзии (Д.С. Мережковский о творчестве А.С. Пушкина) // «Порой опять гармонией упьюсь...»: Проблема гармонии в современных реалиях. Краснодар: Филиал ГОУ ВПО «Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела», 2009. С. 52–57; *Полонский В.В.* К проблеме нереализованного потенциала классики: заметки о пушкиниане русских символистов // Полонский В.В. Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX — XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 209–219.

«О, мощный властелин судьбы! / Не так ли ты уздой железной, / На высоте, над самой бездной, / Россию вздернул на дыбы?» — Д.С. Мережковский неточно цитирует строки из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833): «О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной, / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?» (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4. С. 286). См. подробно: *Полещук Л.З.* Пушкинская традиция (поэма «Медный Всадник») в творчестве русских символистов: В. Брюсова, Д. Мережковского, А. Белого: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.

«То сердце не научится любить, / Которое устало ненавидеть». — Цитата из стихотворения Николая Алексеевича Некрасова (1821–1877/78) «Замолкни, Муза мести и печали!..» (1855). Д.С. Мережковский неоднократно обращался к творчеству Некрасова в критических выступлениях: «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893; гл. V. Любовь к народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н.К. Михайловский, Короленко), «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев»

([Пг.: Т-во И.Д. Сытина], 1915; см. также: Некрасов (Заметка) // Русское слово. 1913. № 183, 9 (22) авг.; Трагедия совести (Еще о Некрасове) // Русское слово. 1913. № 253, 2 (15) нояб.). См. подробно: *Коттелова Н.Г.* Д. Мережковский о Н. Некрасове // Н.А. Некрасов: современное прочтение. К 180-летию со дня рождения русского национального поэта. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. С. 105–117; *Чепкасов А.В.* Миф и символ в критическом дискурсе Д.С. Мережковского («Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев») // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века (архетип, мифология, мотив). Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2002. С. 33–43; *Ермолин Е.А.* Ф.И. Тютчев. Н.А. Некрасов. Д.С. Мережковский // «Тут целый мир, живой, разнообразный...». Ярославль: Александр Рутман, 2004. С. 9–13.

... (от Рылеева и Пестеля до Керенского и Савинкова). — О К.Ф. Рылееве и А.Ф. Керенском см. примеч. к статье «14 марта». Павел Иванович Пестель (1793–1826) — руководитель Южного общества, один из пяти казненных руководителей декабрьского восстания 1825 года — стал героем двух романов трилогии «Царство Зверя»: «Александр I» и «14 декабря»; упоминается в публицистических работах: «Революция и религия», «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», «1925–1825». Об отношениях Мережковских с Борисом Викторовичем Савинковым (1879–1925), террористом, одним из лидеров «Боевой организации» партии эсеров, см. подробно: «Революционное христовство»: Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 году / Предисл. М.А. Колерова, К.Н. Морозова // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 138–142; Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. По воспоминаниям З.Н. Гиппиус, Савинков «подходил к Дм<итрию> С<ергеевичу> не то с надеждой оправдания революционного террора, не то за окончательным ему — и себе в этом случае — приговором» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 162). Кроме того, Мережковские приняли участие в литературной карьере Савинкова, написавшего роман о террористе. «Заглавие, — пишет Гиппиус, — довольно нелепое, я ему переменяла, назвав роман “Конь бледный” (с эпиграфом из Апокалипсиса), а псевдоним, тоже неинтересный, предложила заменить одним из своих <...> Так родился писатель В. Ропшин...» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 181–182). Мережковский опубликовал об этом романе одноименную статью (впервые: Речь. 1909. № 265, 27 сент. (10 окт.); № 266, 28 сент. (11 окт.)), вошедшую в сборник «Большая Россия», а личность Савинкова напоминает созданный писателем в романе «Александр I» образ Пестеля — тоже идеолога революции. О Савинкове речь также идет в статьях Мережковского «Савинков и Врангель», «Балахович» (впервые: Свобода. 1920. № 74, 12 окт.), «Савинков» (впервые: Последние новости. 1920. № 200, 16 дек.), «Наш путь в Россию: Непримируемость или соглашательство?» (впервые: Возрождение. 1927. №№ 929–933, 18–22 дек.).

И поразительно совпадение этой правды интернационализма с глубочайшей национальной сущностью России. Л. Толстой лучше всего выражает эту сущность. — См. примеч. к статье «О патриотизме (Отрывочные заметки)».

...«без аннексий и контрибуций»... — Лозунг «Мир без аннексий и контрибуций», ставший привычным с Февральской революции, воспроизведен в Декларации Временного правительства от 5 (18) мая 1917 г. (см.: *Заславский Д.О., Канторович Вл.А.* Хроника февральской революции. Т. 1: 1917 г. Февраль — май. Пг.: Былое, 1924. С. 301–303). Он же был повторен В.И. Лениным в докладе на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 г. и вошел в принятый тогда же «Декрет о мире».

«Мы дики, нет у нас законов <...>» — См. примеч. к статье «О патриотизме (Отрывочные заметки)».

Копим, как Иван Калита... — По одной из версий, московский князь Иван Данилович Калита (ок. 1283–1340/41) получил свое прозвище благодаря тому, что накопил большие богатства, которые использовал для покупки чужих земель. В ходе своего правления он усилил

экономический и политический союз Московского княжества и Золотой Орды, для которой собирал дань.

Империалист Милюков... — См. примеч. к статье «О патриотизме (Отрывочные заметки)».

Константинополь, проливы нам страшно нужны <...> как единственный продох для задыхающегося, как чаша свежей воды для умирающего от жажды. Но мы и от этого продоху, и от этой последней чаши воды отказались... — Речь идет об отказе М.И. Терещенко, занимавшего с мая по октябрь 1917 г. должность министра иностранных дел во Временном правительстве, от тезиса своего предшественника П.Н. Милюкова о завоевании Константинополя и проливов Босфор и Дарданеллы.

«Война — отец всего», по Гераклиту. — Изречение принадлежит Гераклиту Эфесскому (544–483 до н.э.), древнегреческому философу, основателю первоначальной формы диалектики, автору книги «О природе», от которой сохранились только фрагменты-цитаты. Здесь имеется в виду фрагмент 53. В переводе В.О. Нилендера: «Война есть всего отец и всего царь» (*Гераклит Эфесский*. Фрагменты. М.: Мусaget, 1910. С. 21).

...отпадение Украины, Финляндии, «Кронштадтская республика» и 37 других республик (по счету одного немца) и 3–5-е июля, и катастрофа на фронте. — См. примеч. к статье «О патриотизме (Отрывочные заметки)». В мае 1917 г. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов заявил о непризнании им Временного правительства и постановил, что «по делам государственного порядка» он вступает в непосредственные отношения с Петроградским Советом. См. подробнее гл. «Кронштадтская республика» в мемуарах заместителя председателя Кронштадтского Совета: *Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году*. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. Ср. с дневниковой записью З.Н. Гиппиус от 18 (30) июня того же года: «Началась “вольница”, дезертирство. Начались разные “республики” — Кронштадт, Царицын, Новороссийск, Кирсанов и т.д.» (*Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николюкина*. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 515).

Упырь*

В приказе об удушении печати Ленин признается с удивительной наивностью, что свобода слова для него опаснее, чем террористические бомбы, яд и кинжал.

Не раздумывайте, не разглядывайте, а закройте глаза и понюхайте, чем это пахнет. Неужели не узнаете? Ну, конечно, Николаем Вторым Романовым.

Николай Второй Романов и второй Николай Ленин. Два Николая и у обоих один и тот же запах. Узнаю зверя по запаху.

Ленин прав: свободное слово для него опаснее, чем бомба, яд и кинжал. Перед свободным словом, безоружным и беззащитным, он сам, со своими миллионами штыков, безоружен и беззащитен. Пока оно живо, он мертв. Или он, или оно — им вместе быть нельзя.

Так было для Николая Второго Романова; так и сейчас — для второго Николая Ленина; так для всех тиранов.

* Речь, произнесенная на митинге союза писателей 26-го ноября.

Тираны знают, что свободное слово есть первое и последнее дыхание самой Свободы; с ним она рождается и с ним умирает. Вот почему они так боятся его. Водобоязнь — у собак, словобоязнь — у тиранов.

Да, свободное слово для них страшнее кинжала. Стальной кинжал тираноубийцы может промахнуться, но кинжал слова неотразим.

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды!
Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет, —
И, озираясь, он трепещет...

Трепетал Романов — трепещет и Ленин. Карающий кинжал уже занесен над головой тирана; слово уже сказано — не социалистическое и не буржуазное, а всенародное свободное слово:

«Ленин — самодержец».

Слово прямо в лицо ему сказано, а он молчит, и молча душит, убивает слово. Но берегись, тиран: прежде чем ты — его, оно тебя убьет.

Да, это не пустое слово, а неотразимый кинжал в сердце тирана, неотразимая истина, что самодержавие Ленина, в своей глубочайшей сущности, тождественно с самодержавием Романовским. Сущность обоих — равенство без свободы — социальное равенство без политической свободы.

По слову Пушкина: «Все Романовы суть террористы и уравниатели». Политические террористы, социальные уравниатели. Дух Пугачева, соединенный с духом Аракчеева. Социальное уравнивание, как средство политического порабощения. Романовское самодержавие выдвигало дворянство и буржуазию; самодержавие Ленинское выдвигает пролетариат и «беднейшее крестьянство». Но это только минутное средство, а последняя цель — уравнивание в рабстве. Все равны, потому что все рабы: все равны в ничтожестве, в небытии перед одним-единственным.

Романовское самодержавие основывалось на православии, на церкви вселенской; самодержавие Ленинское основывается на социализме и тоже на своего рода «вселенской церкви» — Интернационале.

В обоих самодержавиях — одинаковое кощунство, попрание святынь: в Романовском — святыни прошлой, в Ленинском — будущей.

Оба самодержавия обманывают народ чудесами, «царством Божьим на земле» — теократическим или социалистическим. Чудеса разные, — обман один.

Оба самодержавия хотят, поработив, осчастливить. Оба говорят: «всё дадим — мир, хлеб, землю, социализм, теократию, царство Божье на земле — всё, кроме свободы».

«Наш народ умен, потому что тих, а тих, потому что несвободен», — говорил Дубельт, жандармский генерал Николая I.

«Наш народ умен, потому что буен, а буен, потому что несвободен», — мог бы сказать Ленин.

Оба самодержавия взывают к «воле народа»; но народ для них — слепая стихия — не народ, а чернь, «черная сотня». Недаром, на наших глазах, Романовская черная сотня уже сливается с Ленинской. Единственно возможное действие такой «воли народной» — самосуд и погром.

Главнейший погром, по замыслу обоих самодержавий, обращен на русскую интеллигенцию. Интеллигенция — разум и свет народа. А разум и свет — силы освобождающие, низвергающие всякое рабство — революционные по преимуществу. Вот почему оба самодержавия так свирепо, так неуголимо ненавидят русскую интеллигенцию.

Для Романовского самодержавия русская интеллигенция есть русская революция, для самодержавия Ленинского — «контрреволюция». Но ведь подлинная революция давно уже сделалась «контрреволюцией», и наоборот. Тут вообще всё наоборот, как в чертовом зеркале.

«Бей жидов, бей интеллигентов!» — этот погромный клич Романовский уже сливается с погромным кличем Ленинским: «Бей буржуев, бей интеллигентов!»

Избиение интеллигенции, угашение всех огней народного сознания и народной совести, крошечная тьма, «еремеевская ночь» — то, о чем Романовы только мечтали, — Ленин уже исполняет, или вот-вот исполнит.

Николай Второй начал — второй Николай кончает. Круг замкнут, путь пройден — дальше идти некуда.

Романовское самодержавие жило в истории, — для него были времена и сроки; для самодержавия Ленинского наступил «конец времен», «Апокалипсис». И вот совершается перед нами воочию апокалипсическое видение — царство Зверя.

Но будем помнить, что это именно только видение, несуществующее марево.

Когда убивают колдуна, то из могилы его выходит упырь, чтобы сосать кровь живых. Из убитого самодержавия Романовского вышел упырь — самодержавие Ленинское.

Упырям нужна темнота ночи и беспомысленность жертвы. Вот почему все огни потушены.

Огни потушить можно, но как потушить солнце?

Учредительное Собрание — солнце Русской земли. Когда оно взойдет, — исчезнут все призраки.

Или, может быть, упырь захочет потушить солнце? Ну, что ж, пусть попробует.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что на Учредительном Собрании Ленин сломает себе голову.

Впервые: Новая речь. 1917. № 1, 28 нояб. (11 дек.). С. 1.

В приказе об удущении печати Ленин признается с удивительной наивностью, что свобода слова для него опаснее, чем террористические бомбы, яд и кинжал. — После Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Совнарком принял Декрет о печати от 27 октября (9 ноября) 1917 г., на основании которого в течение двух месяцев было закрыто 120 периодических «контрреволюционных» изданий.

...второй Николай Ленин. — Одним из псевдонимов Владимира Ильича Ульянова (1970–1924) в дореволюционное время был Николай (или Н.) Ленин. См. другие высказывания Д.С. Мережковского о Ленине в его публицистических выступлениях: «Записная книжка. 1919–1920», «Мережковский и Философов о положении в Совдепии <Беседа с редактором и издателем газеты “Наш край” Ю. Сумороком>» (впервые: Наш край. 1920. № 46 (255), 25 февр.), «Крик петуха» (впервые: Свобода. 1920. № 3, 20 июля), «Красный дьявол» (впервые: Свобода. 1920. № 11, 29 июля), «Тройная ложь» (впервые: Свобода. 1920. № 62, 28 сент.), «О черте, честности и равенстве» (впервые: Свобода. 1920. № 66, 2 окт.), «Открытое письмо Уэллсу» (впервые: Последние новости (Париж). 1920. № 189, 3 дек.), «Л. Толстой и большевизм» (впервые: Общее дело. 1921. № 189, 19 янв.; № 190, 20 янв.), «Гергарту Гауптману (Открытое письмо Д. Мережковского)» (впервые: Общее дело. 1921. № 392, 13 авг.), «Открытое письмо Фритьюфу Нансену» (впервые: Общее дело. 1921. № 456, 16 окт.), «Федор Михайлович Достоевский. 1821–1921» (впервые: Руль. 1921. № 300, 11 нояб.; перепечатана в 1934 г. с изменениями под заглавием «Мир или война (о Достоевском)»: Меч. 1934. № 7, 17 июня), «Который же из Вас? Иудаизм и христианство» (впервые: Новый корабль. 1928. № 4), «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии» (1939; при жизни не опубликована).

«Лемносский бог тебя сквал <...> И, озираясь, он трепещет...» — Первая и третья строфы стихотворения А.С. Пушкина «Кинжал» (1821).

По слову Пушкина: «Все Романовы суть террористы и уравниатели». — Д.С. Мережковский неточно цитирует слова А.С. Пушкина, сказанные им в беседе с великим князем Михаилом: «Все Романовы революционеры и уравниатели» (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 45). В оригинале — по-французски. См. также примеч. к статье «Есть Россия».

Дух Пугачева, соединенный с духом Аракчеева. — В данном контексте донской казак Емельян Иванович Пугачев (1742–1775) упоминается как один из самых известных бунтовщиков, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. В отличие от него, граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834), главный начальник «военных поселений», любитель муштры и фрунта, пользовавшийся доверием Павла I и Александра I, предстает как «уравнитель». К его образу Д.С. Мережковский обращался неоднократно как в художественном творчестве («Павел I» (впервые: Русская мысль. 1908. № 2); «Александр I»; «14 декабря»), так и в публицистике. См. статьи: «Аракчеев и Фотий» (впервые: Речь. 1909. № 65, 8 (21) марта; вошла в сборник «Болезнь России»), «Александр I» (вошла в сборник «Было и будет. Дневник: 1910–1914»), «Декабрист Булатов».

«Наш народ умен, потому что тих, а тих, потому что несвободен», — говорил Дубельт, жандармский генерал Николая I. — Д.С. Мережковский неточно цитирует фразу из дневника Леонтия Васильевича Дубельта (1792–1862), генерала от кавалерии, начальника штаба Корпуса жандармов (1835–1856) и управляющего III отделением (1839–1856): «Наш народ от того умен, что тих, а тих от того, что не свободен» (впервые: Голос минувшего. 1913. № 3. С. 131–171; см. также: Заметки и дневники Л.В. Дубельта / [Публ., вступ. ст. и примеч.] М.В. Бокариуса, Ф.М. Лурье, М.В. Сидоровой // Российский архив. [Т.] VI. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1995. С. 142–304). Примечательно, что в романе «14 декабря» Мережковский приписывает эти слова А.Х. Бенкендорфу: «Наш народ не создан для революций: он умен, оттого что тих, а тих, оттого что не свободен» (Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 193).

...«еремеевская ночь»... — Русифицированный вариант выражения «варфоломеевская ночь», который применялся при описании актов красного террора в Крыму. См. подробно: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: АнтикВА, 2008.

...царство Зверя. — Ср. с одноименным названием второй трилогии Д.С. Мережковского. Образ Зверя взят писателем из «Апокалипсиса», самой любимой им части Священного Писания.

...Вот почему все огни потушены. — Известно, что городское освещение в революционные годы пришло в полный упадок. Позднее З.Н. Гиппиус вспоминала о том времени: «Для Д<митрия> С<ергеевича> мы зажигали на полчаса лампу драгоценного керосина, чтобы он мог, лежа в шубе на кушетке, почитать свои книги о Египте (задуманная давно работа)» (*Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 242–243).

Учредительное Собрание — солнце Русской земли. — Номер газеты «Новая речь» (одно из названий знаменитой газеты «Речь», которая выходила с 1906 г., а с октября 1917 г. всё время запрещалась, меняя названия вплоть до августа 1918 г., когда была закрыта окончательно: «Наша речь», «Свободная речь» и др.), в котором опубликована статья Д.С. Мережковского, появился с лозунгом «Да здравствует Учредительное Собрание!»; под названием «Новая речь» был выпущен только этот номер, до него вышли два номера под названием «Век», а после него газета выходила под названием «Наш век» (до 2 августа 1918 г.). Учредительное собрание — представительный орган, избранный в ноябре 1917 г. и созданный в январе 1918 г. для определения государственного устройства России, — было разогнано большевиками.

1825–1917

Вот она, годовщина 14 декабря, в «свободной России» — первая.

Святые тени... Может быть, лучше пройти мимо вас молча, закрыв лицо руками? Не оглядываться, не вспоминать?

Мы, ведь, вспоминать вообще не любим. «Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ! Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» (Пушкин).

Что такое для «настоящего», для русской «революционной демократии» — герои Четырнадцатого? То же, что и мы все — «буржуи», «калединыцы», «корниловцы», «враги народа», «изменники революции». И если бы встали они сейчас из могил своих, — «свободный» народ растерзал бы их самосудом, так же, как их доблестных внуков и правнуков, последних борцов за честь и свободу России — бесчисленных героев русской армии, — или присудил бы «революционным судом» к плахе Бронштейновой. От Николаевой петли к Бронштейновой плахе — таков наш путь.

Недаром сорвались тогда с веревок трое из пяти повешенных и дважды умерли, — вешее знаменье!

Нет, не вставляйте из ваших могил, святые тени, — Рылеев, Пестель, Каховский, Муравьев, Бестужев — не смотрите на то, что сейчас происходит в России: это ваша смерть вторая.

Проклятье народам, губящим пророков своих!

Надо же, наконец, правду сказать: подлинный «авангард русской революции» — не крестьяне, не солдаты, не рабочие, а вот эти герои Четырнадцатого и мы, наследники их — русские интеллигенты — «буржуи», «корниловцы», «калединцы», «враги народа», «изменники революции».

Может быть, всё это не «революционная демократия», но зато уже наверное — революционная аристократия. Да, есть и такая. Аристократия в смысле не сословном, не рабском, не временном, а вечном, свободном, народном, — господство духа над плотью, сознания над стихией, космоса над хаосом. Подлинная аристократия не отрицается, а утверждается демократией подлинной. Это две половины единого целого.

Демократия — народовластие. Но народ действительно властвует только тогда, когда лучшие люди его, вожди и пророки, избранники властвуют. Демократия, в том же смысле вечном, есть утверждение равенства, революционной общности; аристократия — утверждение свободы, революционной личности. А что такое общность без личности, без свободы, равенства, — мы теперь знаем на страшном и отвратительном опыте: это — уравнивание на плахе, обезглавление народа. Глава его, разум, сознание — интеллигенция. Уничтожить ее — обезглавить народ. Это и делалось некогда царскою петлею...

Русская революционная интеллигенция — русская революционная аристократия. Вот почему восстание Четырнадцатого — исходная и предельная точка русской интеллигенции: вся она отсюда идет и сюда возвращается; здесь ее начало и конец. Все мы, русские интеллигенты, в этом смысле — «декабристы» вечные — вечные стражи революционного сознания, революционной свободы и революционной личности.

Равенство без свободы, общность без личности — русский мнимый «социализм», воистину «похабный», воистину «бесовский» (вот когда оправдались «Бесы» Достоевского) — такое же рабство, такое же хамство, как русский абсолютизм. Что лучше — «самодержавие народа», безграничное насилие всех над одним — или самодержавие царя, безграничное насилие одного над всеми? Что лучше — царь-Зверь или Зверь-народ?

Страшно сказать: «народ-Зверь». Но еще страшнее: «народ-Хам». А ведь то, что сейчас происходит в России, — «похабный мир» извне и каиново братоубийство внутри, — если не зверство, то хамство — такая подлость, которой нет оправдания, нет искупления. Ведь русский народ губит сейчас не только себя, но и все человечество; предает не только свою свободу, но и свободу мира.

На царя-Зверя восстали герои Четырнадцатого; мы восстаем на Зверя-народ.

Казнили их — и нас казнят.

Победили они — и мы победим.

Впервые: Вечерний звон. 1917. № 8, 14 (27) дек. С. 3.

...годовщина 14 декабря... — Событиям 14 (26) декабря 1825 года, попытке государственного переворота, закончившейся неудачей, посвящен роман Д.С. Мережковского «14 декабря». См. подробно: Михайлов О.Н. О Д.С. Мережковском и этой книге // Мережковский Д.С. 14 декабря: Роман; Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 3–8; Билибина И.А. Образ самодержавия в романе Д.С. Мережковского «14 декабря» // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия «Гуманит. и соц. науки». 2010. № 1. С. 115–119.

«Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ! Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» (Пушкин). — Контаминация цитат из двух текстов А.С. Пушкина. Начало фразы («Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!») взято из неоконченного романа в письмах (1829) (ср. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 6. С. 50), а окончание — из недописанной статьи «Опровержение на критике» (1830): (ср. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 136). Об отношении Д.С. Мережковского к Пушкину см. также примечание к статье «Есть Россия».

...«калединцы», «корниловцы»... — военнослужащие воинских частей, которыми командовали Алексей Максимович Каледин (1861–1918), генерал от кавалерии, и Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), генерал от инфантерии.

От Николаевой петли к Бронштейновой плахе... — Отсылка к императору Николаю I (1796–1855), приговорившему лидеров декабристского восстания к смертной казни через повешение, и идеологу «красного террора» Льву Давидовичу Троцкому (Лейба Давидович Бронштейн; 1879–1940), который в сентябре 1917 г. был избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а в октябре сформировал Петроградский военно-революционный комитет, фактически руководивший Октябрьским вооруженным восстанием. См. также: Михайлова М.В. Троцкий о Мережковском // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 326–336.

...сорвались тогда с веревки трое из пяти повешенных... — Во время исполнения смертного приговора 13 (25) июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости К.Ф. Рылеев, П.Г. Каховский и С.И. Муравьев-Апостол сорвались с виселицы и были казнены повторно.

...Рылеев, Пестель, Каховский, Муравьев, Бестужев... — Имена пяти казненных декабристов. О К.Ф. Рылееве см. примеч. к статье «14 марта», О П.И. Пестеле см. примеч. к статье «Есть Россия». О С.И. Муравьеве-Апостоле см. примеч. к статье «Ангел революции». Петр Григорьевич Каховский (1799–1826), русский дворянин, убивший во время Восстания декабристов петербургского генерал-губернатора М.А. Милорадовича и полковника Н.К. Стюрлера, и Михаил Павлович Бестужев-Рюмин (1801–1826), участник Южного общества, один из руководителей Васильковской управы и восстания Черниговского полка, стали героями романов «Александр I» и «14 декабря».

Проклятые народом, губящим пророков своих! — Перевод слов из стихотворения польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855) «К русским друзьям» (1832), которое вошло в его поэму «Дзяды». Д.С. Мережковский также откликнулся на французское издание книги Мицкевича «Славяне» (Adam Mickiewicz. Les Slaves. Paris, 1914) в статье «Распятый народ» (впервые: Русское слово. 1915. № 172, 27 июля (9 авг.); с подзаголовком «“Славяне” Мицкевича»), вошедшей в «Невоенный дневник. 1914–1916». См. подробно: Дудек А. Адам Мицкевич глазами русских символистов (Д. Мережковский и В. Иванов) // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М.: Наука, 2007. С. 189–199.

...вот когда оправдались «Бесы» Достоевского... — Творческий интерес Д.С. Мережковского к Федору Михайловичу Достоевскому (1821–1881), автору романа «Бесы» (1871–1872), наиболее полно воплотился в работах: «Достоевский» (впервые под заглавием «О “Преступлении и наказании” Достоевского»: Русское обозрение. 1890. Т. II. Кн. III; позднее с незначительными

изменениями вошла в «Вечные спутники»), «Л. Толстой и Достоевский»; «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», «Горький и Достоевский» (Русское слово. 1913. № 286, 12 (25) дек.); «Федор Михайлович Достоевский. 1821–1921», «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии». См. подробно: *Фридендер Г.М.* Д.С. Мережковский и Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 3–20; *Келдыш В.А.* Ф. Достоевский в критике Д. Мережковского // Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 467–479; *Андрущенко Е.А.* Ф.М. Достоевский в публицистике Д.С. Мережковского // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2013. С. 147–156.

Россия будет (Интеллигенция и народ)

I.

России нет. Была ли, будет ли, — мы не знаем; но знаем, что сейчас России нет.

Что такое Россия? Отечество? Вот слово, непонятное не только русской интеллигенции, но и русскому народу, — в этом, по крайней мере, хотят нас уверить: у русского народа будто бы нет России, нет отечества.

Так что же такое Россия? Безымянная «страна», географическая площадь, экономический класс, этнографический материал или просто физические «массы»? О, конечно, понятие «отечество» — не физическое. Массы, народ, страна, класс — только тело, а отечество — душа. Если душа не пар, то она бессмертна. Душа не может о себе не знать, есть ли она, была ли, будет ли. Душа больше тела; тело разрушается, меняется — душа неизменна. Отечество больше, чем народ; народы, роды, поколения — приходят, уходят; остается отечество. Отечество есть духовная связь родов, поколений, живущих, умерших и нерожденных. Отечество — чудесная и реальная победа над рождением и смертью, воскресение мертвых, бессмертье живых.

Отечество — понятие не физическое и даже не метафизическое, а религиозное. Бог — Отец; от Отца — отечество. Если нет Отца на небе, то нет и на земле отечества. Отечество — религиозное соединение людей для всемирно-исторического действия. Пока есть воля к этому действию, есть и отечество.

Если мы сейчас говорим: нет России, нет отечества, — значит, у нас его никогда и не было, — не было религиозной воли к действию.

«Что нам Россия, мы калуцкие», — ухмыляется солдатик-дезертир, русский и уже не русский, а интернациональный хитрый мужичонка. И мы ему верим. Напрасно. Хитрый мужичонка хитрит, лжет, чтобы скрыть свое предательство. Он темен и дик. Но ведь еще более темные и дикие предки его уже знали, что такое Россия, а он вдруг забыл. Еще в 14-м году помнил, а в 17-м забыл. И дикари знают, что такое родная земля.

И младенец, сосущий грудь матери, знает, что такое мать.

Россия — мать. Но хитрый мужичонка с пьяных глаз всегда ругался над матерью гнусным ругательством, кажется, нигде в мире неслыханным. Стоном стояло оно по всей русской земле тысячу лет. Думали, даром пройдет. Нет, не прошло. Приняв «похабный мир», хитрый мужичонка принял и похабное «социалистическое отечество», т.е. никакое, потому что для русского «социалиста» нет отечества, а есть интернационал. — «Мы не русские, мы калуцкие, интернациональные». Уже не только на словах, но и на деле надругался народ над Россией-матерью.

Народ — тело, отечество — душа. Во грехе, в болезни, в безумии, тело восстает на душу, народ — на отечество. Тело становится врагом души. Тело убивает душу; народ убивает отечество.

Интеллигенция, как Иван Карамазов, сказала: «всё позволено; убей отца». А народ, как Смердяков, сделал, — убил. Произошло небывалое всемирно-историческое преступление: народ стал убийцей своего отечества, отцеубийцею.

Это безумие. Отечество — религиозное понятие. И убийство отечества — безумие религиозное.

Тут возникает вопрос о религиозном существе русского народа. По Гоголю, Достоевскому, это народ-богоносец. Сам народ называет себя «крестьянским» — т.е. христианским по преимуществу.

Но вот Белинский возражает: «Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ».

Судя по тому, что сейчас происходит, прав не Гоголь и Достоевский, а Белинский.

«Ни креста, ни молитвы, — удивляется В.В. Розанов (в только что написанной книге “Апокалипсис нашего времени”). — Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы, то это у русских. Всю жизнь крестились, молились: вдруг смерть — и сбросили крест. Переход в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой».

Да, всего удивительнее эта безболезненная легкость, мгновенность перехода. Тысячелетнее христианство с русского народа — как с гуся вода, как пыль — с платья. Присяжн. повер. Шпицберг доказал, что Бога нет, что «Бог — буржуй», и весь крещеный народ раскрестился мгновенно, согласился: «Да, буржуй; надо расстрелять Бога».

Но Достоевский все-таки кое-что знает о народном атеизме, чего не знает Белинский.

«Вижу, — вползает ко мне раз мужик на коленях, — рассказывает в “Дневнике писателя” один старец-монах. — Первым словом ко мне:

— Нет мне спасения; проклят! И что бы ты ни сказал — всё одно проклят!.. Собрались мы в деревне несколько парней и стали промежду себя спорить: кто кого дерзостнее сделает? Я по гордости вызвался перед всеми. Другой парень отвел меня и говорит мне с глазу на глаз:

— Теперь скоро пост, стань говеть. Когда пойдешь к причастью, — причастье прими, но не проглоти. Отойдешь, — вынь рукой и сохрани. А там я тебе укажу.

Так я и сделал. Прямо из церкви повел меня в огород. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: “положи!” Я положил на жердь.

— Теперь говорит, принеси ружье.

Я принес.

— Заряди.

Зарядил.

— Подыми и выстрели.

Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, — вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии».

Русский народ в своем мгновенном атеистическом безумии не похож ли на этого парня? Но предстанет ли и народу «неимоверное видение» Распятого? Достоевский в этом не усомнился бы. Во всяком случае, он предвидел возможность того, что сейчас происходит.

Что же это такое? А вот что.

«Это, прежде всего, забвение всякой мерки во всем; потребность в замирающем ощущении дойти до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и, — в частных случаях, но весьма нередких, — броситься в нее, как ошалелому, вниз головой. Это — потребность отрицания в человеке, иногда самом неотрицающем и благоговеющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, всей народной святыни, во всей ее полноте... Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, т.е. когда уже идти больше некуда».

«Я думаю, — заключает Достоевский, — самая коренная духовная потребность русского народа — есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков... Страданием своим русский народ как бы наслаждается».

Достоевский вскрывает здесь последние глубины религиозной народной стихии.

Христианство — религия страдания, только страдания, страдания как мирового синтеза. Так ли это на самом деле?

В мире и в человеке существуют два полюса, два начала: страдательное и действенное, жертвенное и героическое, Дионисовское и Аполлоновское, вечно-женственное и вечно-мужественное. В совершенном человеке — Бо-

гочеловеке — эти два начала соединяются. Когда Сын обращен к Отцу, то Он страдателен, жертвен, женствен: «Не Моя, а Твоя да будет воля». Когда Он обращен к миру, то действителен, героичен, мужествен: «Я победил мир».

Что в Богочеловеке, то и в человеке. Человеком преодолевается абсолютный животный пол. Человек — не только мужчина и не только женщина; человек — мужчина и женщина вместе. В самые человеческие — божественные минуты свои, минуты любви как жертвы, мужчина становится женственным, — и в этом высшая красота мужества (Дионис-Аполлон в женском образе); в самые человеческие-божественные минуты свои, минуты любви как подвига, женщина становится мужественной (Аполлон-Артемида в мужском образе). И в этом высшая красота женственности.

Утверждение голого абсолютного пола есть падение человека до зверства. Мужчина, только мужчина — уже не человек, а зверь, самец. И женщина, только женщина — самка. Но человек в падении своем не останавливается и на зверстве — он падает ниже — до сатанинства. Сатанинское искажение мужского начала — «садизм»; женского — «мазохизм».

Религиозная болезнь русского народа есть чрезмерная женственность.

Первое всемирно-историческое действие славянского, будущего русского племени — отказ от своего мужества. Народ-юноша, народ-жених не стыдится выступить на сцену всемирной истории в образе невесты. «Я не то, что вы думали; я не мужчина, а женщина; у меня нет порядка, нет власти, нет воли, нет мужества. Я сама не своя. Я ничья. Но я прекрасна и обильна. Придите, владейте мною. Возьмите меня!» Это — призвание варягов.

Варяги — в политике, византийцы — в религии. В противоположность западному католическому христианству — мужественному, действительному, героическому, — восточное, византийское — женственно, жертвенно. Православие на русский народ — женственность на женственность.

С византийским христианством принимается и византийское язычество — самодержавие. В самодержавии — начало римской власти, римского мужества. Но как преломляется оно в женственной русской стихии?

По Конст. Аксакову, сущность русской истории — «открещивание от власти», религиозная анархия, осуществляемая в политической монархии. «Государство, — говорит Аксаков, — никогда у нас не обольщало собою народа; вот почему, хотя и были случаи, — не хотел народ наш облечься в государственную власть, а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному государю, сам желая держаться своих внутренних жизненных начал», т.е. женственных, жертвенных.

В самодержавии народ как бы выделяет из себя всё свое мужество и отдает его одному единственному лицу — самодержцу. Опять: «я не мужчина, а женщина, — возьми меня!» Это второе «призвание Варягов». Народ — жена; царь — муж. Грозный царь, грозный муж. Чем грознее, тем возлюбленнее. Кого люблю, того и бью. Царь бьет Россию, а ей чем больше,

тем слаще. В самодержавии утоляется та «коренная духовная потребность русского народа — потребность страдания», о которой говорит Достоевский. «Страданием своим русский народ как бы наслаждается». Величайший из наших древних царей, завершитель византийско-русского самодержавия — Иван Грозный — сладострастный мучитель-садист. Тут уже воистину сатанинское искажение религиозной воли к страданию: православная жертвенность и самодержавное мучительство, — мазохизм и садизм.

Петр кончил старую византийскую Россию и начал новую. Что же такое преобразование Петра? Не третье ли «призвание Варягов», не новое ли явление русской женственности? Нет, сам по себе Петр — величайшее восстание русского мужества. Он вовсе не хотел, как думают славянофилы, отказаться от своего для чужого, а наоборот, чужое хотел сделать своим, выправить главный вывих народа, преодолеть восточную женственность западным мужеством. Прав Петр, но не прав — петербургский период; он вовсе не продолжение, а искажение Петра, борение с Петром. И не случайно именно в наши дни так забыт Петр, как еще никогда. Мы сейчас накануне полной победы старой до-петровской Руси над Петром, Москвы над Петербургом, русского Востока над Западом, нашей дурной женственности над нашим добрым мужеством. Мы накануне третьего и последнего, окончательного «призвания Варягов».

Болезнь России — дурная женственность, но болезнь Германии — дурная мужественность. Это два одинаковые безумия, два равные искажения пола — наслаждающаяся жертва и наслаждающийся палач. Всемирно-исторический мазохизм и садизм. Русский анархо-коммунизм, толстовское «Царство Божье», осуществляемое Пугачевым-зверем, и германский империализм — ницшеанское царство «Антихриста», осуществляемое «христианнейшим» кайзером. Черный Дионис и черный Аполлон.

Русский народ вошел в мировую войну, как муж в состязание мужей. Он сам себя назвал «мужицким», т.е. мужским, мужественным по преимуществу. И все ему поверили. Но вот мужик оказался бабою. У бабы ум короток. В политике соблазнил ее первый шпион, а в религии — Шпицберг.

Вся мужественность русского народа оказалась сосредоточенной в царе. Пал царь — пала мужественность — осталась голая женственность. И, как зверь на добычу, накинулась бесноватая мужественность на бесноватую женственность — германский садизм — на русский мазохизм. Обнажился небывалый всемирно-исторический срам. По слову пророков: «Так говорит Господь Бог Саваоф: обнажу срамоту твою, дочь Сиона». Вот лежит она, обнаженная, посрамленная, поруганная, окровавленная, и молит своего истязателя: «Возьми меня! Убей меня!» Это и есть «похабный мир».

Абсолютная женственность — абсолютная бессознательность. Вместо сознания — слепой инстинкт. Слепой религиозный инстинкт русского народа обманут православием и самодержавием. Царь — от Бога; был царь, был Бог; не стало царя, и Бога не стало. Вот почему «переход в полный атеизм

совершился до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой». Раскрестились мгновенно. Велел шпион — и на Россию плюнули; велел Шпицберг — и плюнули на Бога.

Да, у бабы ум короток. Большой религиозный инстинкт и короткий ум. Слабый интеллект — слабая русская интеллигенция.

Народ поклонился царю, как Богу; интеллигенция поклонилась народу, тоже как Богу. Безличный коллектив обожествил личность царя; одинокая интеллигентская личность обожествила безличный коллектив — народ; все — одного, один — всех. Взаимное идолопоклонство, взаимное обожествление. Два равных кощунства — человекобожество и народобожество. Не только в своем теперешнем атеизме, но и в своей прежней религиозности, православно-самодержавной, — народ был таким же «нехристом и безбожником», как атеистическая интеллигенция. Тут никакой между ними пропасти. Трагедия русской интеллигенции не в отъединении, а в ложном соединении с народом. Иван Карамзев сказал: «человек есть Бог», — а Смердяков сделал себя Богом.

Когда народ стал Богом, то совершилось над ним то, что сказано о всяком человеке и коллективе человеческого, который становится на место Божье: «Отнимется у него сердце человеческое, и дастся ему сердце звериное».

Страшен царь-зверь; но не менее страшен зверь-народ.

Вот он сам себя терзает, сам над собой ругается, — не только над собой, но и над человечеством, над двумя величайшими святынями его — миром и равенством. Сказал: «социалистическое равенство»; — и объявил анархо-коммунизм русских мешочников, Марксо-Пугачевых: «грабь награбленное!» Сказал: «демократический мир», — и начал такую войну, какой еще никогда не бывало; человекоубийство заменил братоубийством, зверскую бойню сделал сатанинской.

И всё восстание вылилось в падение, революция — в контрреволюцию. Самодержавие опрокинуто, но не разрушено, даже не тронуто. Самодержавие царя — пирамида острием вверх: царь поработывает народ, один — всех. Самодержавие народа — та же пирамида, острием вниз: один поработывается всеми, личность — народом. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинакова.

А может быть, теперь еще хуже, чем при царе? Нет, не хуже. Только скрытое тогда — раскрыто теперь. Вот почему кажется, что теперь хуже, страшнее, подлее, отвратительнее. Значит, не надо было свергать царя? Нет, надо. При царе мы погибали медленно и всё равно не спаслись бы. Теперь мы можем спастись. Скоро погибнем или скоро спасемся. Пирамида на острие долго стоять не может.

У царя Николая был Распутин: у царя-народа много Распутиных, но один главный. Недавно я сравнивал портреты обоих, — того, царского, и этого, народного. Тот — мужик, этот — интеллигент; тот — блудник и пьяница; этот — аскет. Как несхожи, а все-таки сходство есть. В глазах

или даже не в глазах, а во взоре, или, еще вернее, в возможности взора — один и тот же русский хмель, русский бес, черный бабий Дионис — одно и то же безумие хлыстовских радений, всё равно каких, монархических или анархических.

В последние дни царя Николая стоило взглянуть в лицо Распутина, чтобы понять: это бред, наваждение; это не может длиться долго.

И теперь, стоит взглянуть в лицо второго Распутина, чтобы понять: это не может длиться долго: падет второй Распутин и начнется вторая революция, — нет, не вторая, а первая — всё та же единственная, не оконченная, а только задержанная, заваленная ледяной нарастающей глыбой опрокинутого самодержавия — октябрьской контрреволюцией.

Теперь больше чем когда-либо должно сказать: да здравствует февраль! да здравствует революция!

II.

Что такое революционная демократия, — это все хорошо знают. Но что такое революционная аристократия, — этого почти никто не знает или не хочет знать. Не только в нашем захолустном «социалистическом отечестве», но и в подлинных европейских демократиях всё еще непонятно, дико, феодально-крепостнически или буржуазно-капиталистически звучит слово «аристократия». Демократия не значит власть черни, — это все понимают; но никто не хочет понять, что аристократия не значит власть господ, капиталистов, буржуев и помещиков.

Подлинная демократия осуществляет власть народа; подлинная аристократия — власть лучших людей. Когда все будут хорошими, — не будет лучших, не будет аристократии — установится абсолютная демократия или, вернее, теократия, царство Божье на земле. А пока есть люди лучше и похуже, надо, чтобы власть имели лучшие. Это значит, что демократия и аристократия не абсолютны, а относительны. Сама демократия утверждает свою относительность, облекая властью меньшинство, — избранных.

Вопрос об отношении демократии и аристократии есть вечный вопрос об отношении общества и личности, социализма и анархизма, или, еще шире, метафизичнее, — вопрос об отношении категорий, количественной и качественной. Соизмеримы ли эти две категории? Можно ли качество свести к количеству, то есть, в последнем счете, жизнь — к математике, к механике, это неразрешенный и, кажется, неразрешимый вопрос гносеологии. Во всяком случае, в настоящее время мы не можем качество заменить количеством, личность — обществом, аристократию — демократией.

«Миллион больше ста», — это арифметика. Но жизнь не арифметика. Иногда сто больше миллиона.

Право большинство? — «Нет, только меньшинство право», — возражает Ибсен, ненавистник демократии. Оба утверждения относительны.

Ну, конечно, большинство не всегда право. Будем надеяться, что умных и честных людей больше на свете, чем дураков и мошенников; но если к дуракам и мошенникам прибавить невежд, то едва ли большинство окажется на стороне умных и честных.

Представьте себе решение вопроса о достоинстве яиц по большинству голосов: дюжина свежих и миллион тухлых яиц голосуют; нельзя сомневаться в решении: яйцам надо быть тухлыми.

Никогда, ни при каком торжестве демократии, не следует забывать, что Иисус Христос был распят по большинству голосов.

Большинство, революционная демократия, продолжает и кончает революцию; а начинает ее всегда меньшинство, революционная аристократия.

Говорить о таких азбучных истинах давно уже стыдно в буржуазно-демократической Европе; а в нашем «социалистическом отечестве» мы всё еще погибаем от бесстыдного забвения азбучных истин.

Вечная истина о революционной аристократии, кажется, самая трудная для русской интеллигенции.

Подлинная аристократия есть начало мужественное, героическое. Русский народ безмерно женствен и потому безмерно демократичен. Для него никогда не было лучших людей, потому что лучше всех был один; не было героев потому, что был один герой; не было личностей, потому что одна была личность, — царь.

Абсолютная власть утверждала абсолютную ложную демократию — подлинную охлократию — царство черни. Острие горы — самодержавие, а под ним — бесконечная равнина — «равенство».

Русский интеллигент такой же абсолютный демократ, вечный антигерой, как русский народ. Для интеллигента тоже нет героев-личностей, потому что для него единственный герой — безличный коллектив — «царь-народ». Злейшая обида для русской интеллигенции сознать себя тем, чем она призвана быть — не ложной демократией, а подлинной аристократией. Не быть собою, уйти от себя, раствориться, исчезнуть в народе, как капля в океане — такова неутолимая жажда русской интеллигенции. Ее неумная «трагедия» — в отделении от народа. А это первое условие ее бытия, ибо только тогда интеллигенция и начинает быть, когда отделяется от народа.

Для русского народа, безмерно женственного, демократичного, единственное спасение — воля к мужеству, к действию, к героизму, к аристократии. Но этой-то воли русская интеллигенция и не могла дать народу, потому что сама ее не имела.

Душа подлинной демократии есть то, что Карлейль называет «почитанием героев», как носителей святых народных. Этой души не оказалось в русской демократии. Непочитание героев, неблагоговение перед святынями — источник хамства. Торжествующая русская демократия открыла дверь перед «царем-народом» — и вошел Торжествующий Хам.

Самодержавие царя не додушило интеллигенцию. Народ кончает дело царя. Соответственно народ хочет «додушить» не интеллигенцию, а буржуазию, но демагоги уверили его, что это одно и то же. Из всех демагогических обманов бесстыднейший — смешение интеллигента с буржуем.

«Буржуй» — такое же глупое погромное слово, как «жид». Когда Торжествующий Хам бросает нам в лицо: «Буржуй!» — мы могли бы ответить ему, как жида царским погромщикам: «Пусть жида; жида — святое племя!» Да, как это ни дико звучит для русского интеллигентского уха, — есть буржуазия святая, святое мещанство.

Вся европейская культура — «страна святых чудес» — искусство, наука, общественность — Возрождение, Реформация, Революция и даже самый социализм, — всё это создания святой буржуазии. Для Европы святость эта уже в прошлом, но не для России. В России никогда никакой буржуазии не было, ни святой, ни грешной. Русский коммунизм убивает нерожденное, но не убьет: русский буржуй все-таки родится. И, может быть, единственное немертворожденное дитя нашей «социалистической» революции будет именно он, так называемый мелкий, грешный или святой, буржуй.

Не так давно анархист Блейхман предлагал собрать всех петербургских буржуев в один концентрационный лагерь и взорвать на воздух. Товарищи смеялись. Над чем? Ведь предлагается же в конституции советской республики «полное подавление буржуазии». Давить, душить медленно, или сразу взорвать, — что милосерднее? За милосердие я, так и быть, открою Блейхману важный секрет: буржуя нельзя взорвать, задушить или даже поймать: он — неуловимый, незримый, бесплотный и бессмертный дух, — для самого Блейхмана то же, что для Ивана Карамазова «черт с хвостом датской собаки». Буржуй — двойник анархиста. Не случайно прелюбодейное соединение этих двух несуществующих призраков — русского «коммунизма» с русской «буржуазией». Анархическое: «грабь награбленное!» есть откровение, хотя и не святое, конечно, а грешное, но, несомненно, мелко-буржуазное. Анархизм — озверевший и осатаневший либерализм, анархист — сошедший с ума буржуй.

Торжествующий Хам узнается по дурному запаху. Люди художественно чуткие давно уже обоняли в русской демократии запах грядущего Хама. Это шутка? Нет, эстетика — не шутка, а проникновение в сердце вещей. Некрасота, антиэстетика русской «социалистической» революции — зловещий знак. Жизнь прекрасна; всё живое цветет и благоухает; только мертвое глеет и смердит.

Как благоуханны наши февраль и март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горние! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота была в лицах человеческих!

Где она сейчас? Вглядитесь в толпы октябрьские. На них лица нет. Да, неуродство лиц, а отсутствие лица — вот что в них всего ужаснее.

Увы, наш Октябрь начался еще в Марте:
Тли по Мартовским алым зорям
Прошли в гвоздевых сапогах.
Душа на ключе, на тяжелом затворе —
Отврат... тошнота... но не страх.

Как пошли тогда, так всё и идут, идут без конца, не страшные, а тошные, серые-серые, безликие, насекомоподобные.

По-славянски «тля», а по-русски — то насекомое, от которого сыпной тиф — природная болезнь нашего «социалистического отечества». Петроградская коммуна собирается мыть народ в бане насильно, как моют маленьких детей. Тысячу лет он сам шел в баню, а теперь и палкой не заго-нишь. Полюбил нечисть. Понял, что «с чистоты не воскреснешь, с погани не треснешь». В «Воине и мире» Пьер Безухов, после пожара Москвы, во французском плену, до того опростился, что полюбил вшей: «вши, евшие его, согревали его тело», — говорит Толстой. Вот она откуда, эта «социалистическая» тля. Чужой германский зверь жрет, а своя русская тля тлит Россию.

В гербе самодержавия царского — св. Георгий Победоносец, пронзающий копьём крылатую тлю. Неужели же в гербе самодержавия народного — бескрылая Победоносная Тля?

Да, сейчас нет лица на русском народе; его самого как бы нет. И если Россия — только народ, то сейчас нет России.

Но Россия больше, чем народ. Сознательной религиозной воли к отечеству, к мужеству, у нас никогда еще не было, а была лишь воля стихийная, бессознательная. Но уже и по ней видно, чем сможет быть русский народ, если захочет, поймет, что надо хотеть.

Когда полудикая дружина Святослава шла в челноках на Царьград (тоже «империалисты»), это уже была Россия. И на Куликовом поле, и в собирании земли, и в смутное время, и в преобразовании Петра, и в двенадцатом году, и в декабрьском восстании — Россия была. И пусть только краткие дни, часы, миги февраля-марта, но видели и наши глаза больше, чем русский народ — всю Россию — Отечество.

Воля к мере — победа над безмерным, дионисовским, женственным — есть высшая воля к мужеству. Может быть, с эллинской древности не было такого совершенного гения мужества, гения меры, как Пушкин. Стоит вспомнить о нем, чтобы поверить: русский народ способен к мужеству. Немцы могут отнять у нас всё, до последнего клочка земли, но не отнимут Пушкина, а есть Пушкин — есть Россия.

Сейчас России нет для русского народа и русской интеллигенции, потому что нет у них сознательной религиозной воли к отечеству. Чтобы приобрести эту волю, им нужно изменить сознание, опомниться, покаяться не друг перед другом, а перед Россией, и не прежним русским покаянием жерт-

венным, а новым, действенным, героическим. «Глас вопиющего в пустыне: покайтесь, обратитесь — metanoeite» — опомнитесь, измените сомнение.

«Мы не спасемся, пока не вырвется из наших сердец крик боли и раскаяния, отзвук которого наполнит весь мир» (Чаадаев). Да, весь мир, потому что наша вина — не только перед Россией, но и перед всем человечеством.

Мы захотели быть выше и оказались вне человечества. Захотели кончить всемирную историю, начать Апокалипсис; но раньше конца мира наступил наш собственный конец.

Мы решили: дерутся два разбойника, два зверя — империализм Германии с империализмом Англии, Франции; пусть же они друг другу перервут горло — тем лучше для нас, русских социалистов. Но дерутся не два зверя, а один зверь с человеком. Англия, Франция создали великую буржуазную демократию; Германия — социал-демократию; но она сделала с нею то же, что рыболов с червяком — поплевала и насадила на крючок: червяк для рыбы, а рыба — русский социалист.

Демократический империализм Англии, Франции — человеческий, исторический; самодержавный империализм Германии — человекобожеский, апокалипсический. Для русских социалистов, взятых заживо на небо, тут нет никакой разницы; но для живущих на земле — разница огромная. Победа Европы — продолжение всемирной истории; победа Германии — нечто, в самом деле, похожее на «конец мира», «пришествие Антихриста».

Мы должны вернуться из нашего русского ложного Апокалипсиса во всемирную историю. Должны сделать выбор между человеком и зверем, Европой и Германией.

Германия может победить Европу; но честь и совесть человечества никогда не помирятся с этой победой. После «похабного мира» европейского начнется вторая война. Мы сейчас не можем к ней готовиться. Но побежденные, раздавленные, обезоруженные, именно сейчас больше чем когда-либо мы должны повторить вместе со всем человечеством: не будет мира, не будет мира, не будет мира, пока не победим!

.....
.....

Октябрь мы должны отвергнуть до конца, но так же до конца принять февраль. Сейчас русская революция может быть только буржуазно-демократической, утверждающей свободу прежде, чем равенство. Нельзя достичь равенства сначала, — а потом свободы. Свобода для равенства, а не равенство для свободы. Слишком дорогой ценой купили мы эту дешевую истину, поняли, что вводить в России «немедленный социализм» — значит выдавать замуж пятилетнюю девочку. Это не брак, а растление. Но отвергнуть всякий социализм, чтобы избегнуть русского, — значит, сделаться скопцом, чтобы избегнуть разврата.

Победить русский ложный социализм нельзя иначе, как утвердив социализм всемирный, подлинный. Буржуазно-демократическая революция в

России может совершиться только под знаком грядущего социализма; свобода может быть достигнута только под знаком равенства.

III.

Всё это довольно легко понять и, кажется, русская интеллигенция уже начинает понимать всё это. Но очень трудно, не знаю даже, возможно ли ей понять, что необходимая предпосылка национального возрождения России — религиозная.

Трудно понять, что наша русская беда, социальная и политическая, — только часть европейской, всемирной беды религиозной; что мгновенное атеистическое сумасшествие русского народа — парня, стреляющего в причастие, — отражение длительного атеистического безумия, овладевшего всей европейской, христианской, да, всё еще христианской, культурой, потому что, по слову Чаадаева, «Европа, что бы ни говорила и ни делала, всё еще тождественна христианству». Гибель христианства — гибель Европы.

«Глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё» («Апокалипсис нашего времени», В.В. Розанова, 1918). Не политическим и не социальным, а только религиозным сознанием можно осветить эти пустоты, понять всю безбрежность того, что сейчас происходит. Нам кажется, что с Россией происходит небывалое, — нет, не только с Россией, но и со всем человечеством. Мы первые, но не последние.

В самом деле, разве всё это не похоже на конец мира, Апокалипсис, не русский, ложный, а настоящий? Можно надеяться, что это еще не конец, а человечество выживет, но именно можно только надеяться.

Настоящий конец не совершится ли так же, как это подобие конца — изнутри, сначала изнутри, а уж потом извне? И уже сейчас не повторяется ли на наших глазах исполинское видение Патмоса? Не издыхаем ли мы от страха бедствий, грядущих на вселенную? Не свивается ли наше внутреннее небо, как свиток? Не становится ли наше солнце, как кровь, и наша вода, как полынь? Не рухнет ли наш Вавилон великий? И багряный Зверь не выходит ли из бездны — из бездны наших сердец?

От Чаадаева до Вл. Соловьева и Достоевского русская интеллигенция религиозная, тайная, отреченная, вся пронизана чувством конца. Интеллигенция явная, торжествующая, атеистическая только смеялась над этим чувством. Пусть же и теперь посмеется!

Для русского интеллигентского, так же как для всего европейского сознания, метафизическая основа социализма есть материализм, т.е., в последнем счете, атеизм. На основе атеизма строится здание идеалистическое, т.е., в последнем счете, религиозное. Прочно ли такое строение? Можно ли утвердить религию на атеизме?

Кризис европейского социализма (точнее, социал-демократии, марксизма) не менее глубок, чем кризис европейского христианства. «Колоссальные пустоты» образуются в человечестве не только от «былого христианства», но и от будущего социализма.

Как проблема, социализм неизменен. Но так же ли неизменен, как разрешение проблемы? Не будет ли оно когда-нибудь религиозным?

Все попытки «христианского социализма» неудачны. В историческом христианстве социальная проблема не разрешена и даже не поставлена. Но она заложена в самом явлении Христа.

Учение Христа есть учение о царстве Божиим на земле. И проблема о царстве, о власти ставится в этом учении, как проблема социально-экономическая, как вопрос об отношении хлеба и власти.

Сейчас об этом можно говорить только наивно, символически, почти мифологически, потому что тут еще всё — не в религиозном опыте и действии, а только в гаданьях и чаяньях.

Первый христианский символ социально-экономический — искушение Христа хлебом. «Если Ты Сын Божий, вели этому камню сделаться хлебом». Достоевский в «Великом Инквизиторе» раскрыл необъятный всемирно-исторический смысл этого искушения. Камень — материя неорганическая — превращается в хлеб — материю органическую — чудом не Божьим, а дьявольским, — это и есть «материализм», атеизм, как демоническая основа социализма.

И тотчас же за искушением хлебом — искушение властью. «Ибо кто накормит людей, тот и будет над ними властвовать», — обещает Великий Инквизитор. «Тебе дам власть над всеми сими царствами», — обещает дьявол.

Неужели всё это для нас — только «миф», а не социальная и психологическая, даже не физиологическая действительность? Ведь мы сейчас так пронзительно-плотно, кровно, животно, чревно чувствуем вопрос о власти, как вопрос о хлебе. Восьмушка хлеба, который становится камнем (обратное «чудо» дьявола), есть для нас уже несомненный краеугольный камень грядущего безвластия, анархии, войны всех против всех. «Кто бы ты ни был — Ленин, Вильгельм, Николай или сам дьявол, — только приди, властвуй и накорми!» — вот реальнейший вопль наших голодных чрев.

Атеистической основе социализма, предложенной дьяволом, Христос противопоставляет основу религиозную: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим». — «Я есмь хлеб жизни».

Это первый символ, а вот и второй.

Главное чудо, за которое народ хочет сделать Иисуса царем (как «Царь Иудейский» — мятежник против настоящего римского, всемирного царя-Кесаря — и был распят Иисус) — есть чудо — социально-экономическое — насыщение пяти тысяч пятью хлебами. «Повелел рассадить всех отделениями на зеленой траве. И сели рядами». О, как не похожи эти «ряды», эти хлебные очереди — на наши безобразные голодные «хвосты»! Представьте себе,

что каким-нибудь чудом внезапно досталось одному из таких хвостов в пять тысяч человек — пять хлебов. Что произошло бы? Люди перегрызлись бы, как звери, смешали бы хлеб с кровью, и никого не насытил бы этот кровавый хлеб. Не помог бы и хваленый «учет» Ленина: «социализм есть учет». Ленин учитывает всё, кроме главного — духовной силы любви или ненависти, соединяющей и разделяющей людей в социально-экономические «ряды» — «классы». А без учета этой силы «борьба классов» становится борьбой нечеловеческой — звериной свалкой. Ведь потому-то и произошло чудо насыщения, что силу любви учел Учетник Божественный.

И в молитве Господней, тотчас после прошения о царстве, о воле Божьей на земле, как на небе, — прошение о хлебе насущном. Самое сердце молитвы — царственно-хлебное, социально-экономическое...

Я говорю всё это непонятно, нереально, недостойно, косноязычно, почти кощунственно. Но если бы кто-нибудь сказал, как следует, то засверкала бы ослепляющая истина, самая простая, потому что самая нужная, хлебная, чревная, плотная, кровная...

А так, как я говорю, это — только письмо в бутылке, которую кидает в море мореплаватель перед крушением...

Итак, соединима ли социальная проблема с проблемой религиозной? Ответить на этот вопрос и значит ответить на вопрос о религиозной предпосылке национального возрождения России.

Великодержавность нации не только в ее государственной, но и в духовной всемирности — в религиозном служении человечеству. В чем же служение России?

Если русский народ страдает сейчас не бессмысленно, если он все-таки недаром назвал себя «крестьянским» — христианским по преимуществу, и если когда-нибудь проблема социальная встанет перед человечеством как проблема религиозная, христианская, Христова по преимуществу, то понятно, в чем будет заключаться всемирное служение России — религиозная предпосылка ее национального возрождения.

Мгновенное атеистическое сумасшествие русского народа пройдет: как тому парню, стрелявшему в причастие, — предстанет и всему народу «видение Распятого». Но в эту роковую минуту, когда будут решаться на веки веков судьбы России, — будет ли с русским народом русская интеллигенция, как религиозный разум и совесть народа? Если не будет, то горе обоим.

Сейчас России нет для русского народа и для русской интеллигенции, потому что они забыли о Христе. Только тогда, когда о Христе вспомнят и скажут во имя Христа: «да будет Россия», — Россия будет.

Впервые: Наш век. 1918. № 100 (124), 23 июня (10 июня). С. 2; № 103 (127), 28 (15) июня. С. 2-3.

«Мы не русские, мы калуцкие, интернациональные». — Д.С. Мережковский обыгрывает фразу, популярную в России в начале Первой мировой войны и символизирующую «местеч-

ковый патриотизм»: мы живем далеко от фронта (в Калужской или другой губернии), до нас неприятель не дойдет. Ср. со словами из статьи Мережковского «Захолустье. Итоги маленькой полемики» (впервые: Возрождение. 1928. № 968, 26 янв.): «“Что нам Россия? Мы калуцкие!” — говорили, позевывая и почесывая спину, уже в самом начале мировой войны, русские мужички, будущие дезертиры и члены Интернационала, кажется, и теперь еще не понимающие, насколько короче и легче путь из Калуги в Интернационал, чем обратно» (*Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николукина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 323*).

Интеллигенция, как Иван Карамазов, сказала: «всё позволено; убей отца». А народ, как Смердяков, сделал, — убил. — Отсылка к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880) и, в частности, мысли Ивана Карамазова о том, что «всё позволено», которая оказалась близка Павлу Смердякову, убитому Федора Карамазова.

По Гоголю, Достоевскому, это народ-богоносец. — Слова о «народе-богоносце» (в святоотеческом смысле) Ф.М. Достоевский вкладывает в уста старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». Ср. с высказыванием Н.В. Гоголя из «Светлого Воскресенья» (1846), одной из глав «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «<...> праздник светлого воскресенья воспринимается, как следует, прежде у нас, чем у других народов!» (*Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 417*). См. также отдельные издания работ Д.С. Мережковского: «Гоголь и черт» и «Гоголь. Творчество, жизнь и религия». Об отношении писателя к Достоевскому см. примеч. к статье «1825–1917».

Но вот Белинский возражает: «Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ». — Цитата из письма В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю от 3 (15) июля 1847 г. Виссариону Григорьевичу Белинскому (1811–1848), литературному критику, Д.С. Мережковский посвятил отдельное исследование «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» ([Пг.:] Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, [1915]; впервые: Биржевые ведомости. 1915. № 14777, 11 (24) апр. (утр. вып.); № 14787, 16 (29) апр.). См. подробно: *Житкова Л.Н. Белинский и Мережковский: осмысление наследия // Дергачевские чтения — 2002. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. С. 85–88*.

«Ни креста, ни молитвы, — удивляется В.В. Розанов (в только что написанной книге “Апокалипсис нашего времени”). — Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы, то это у русских. Всю жизнь крестились, молились: вдруг смерть — и сбросили крест. Переход в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой». — Д.С. Мережковский неточно цитирует книгу В.В. Розанова «Апокалипсис нашего времени». Ср.: «“Ни креста, ни молитвы”. Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы — то это у русских. И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть — и мы сбросили крест. “Просто, как православным человеком русский никогда не живал”. Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно “в баню сходили и окатились новой водой”» (*Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад: [Тип. И. Иванова], 1917. Вып. 1. С. 11*). Василию Васильевичу Розанову (1856–1919), религиозному философу и литературному критику, Мережковский посвятил статьи «Как В. Розанов пил кровь» (Речь. 1913. № 318, 20 нояб. (3 дек.)), «В. Розанов» (впервые: Русское слово. 1913. № 125, 1 (14) июня), вошедшую в книгу «Было и будет. Дневник. 1910–1914». См. также: Письма Д.С. Мережковского к В.В. Розанову (1899–1908) / Публ., вступ. заметка и коммент. А.М. Ваховской // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 234–251; *Полонский В., Глухова Е. Переписка В. Розанова с литераторами «круга Мережковских»: предварительные итоги изучения и перспективы научного издания // Текстологический вестник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 573–581; *Полонский В.В. В. Розанов глазами Д. Мережковского // Полонский В.В. Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX — XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 355–369*.*

Присяжн. повер. Шпицберг доказал, что Бога нет, что «Бог — буржуй»... — Иван Анатольевич Шпицберг (1881–1933) до революции был присяжным поверенным, член комиссии Народного комиссариата юстиции по подготовке декрета об отделении церкви от государства, в январе 1918 г. выступал в Петрограде с лекциями по религиозным вопросам, принимал активное участие в антицерковных судебных процессах. Ср.: «Присяжный поверенный Шпицберг нанимал зал Тенишевского училища и надрывался — доказывал, что Бога нет» (*Тэффи Н. Без «предрассудков» // Новое слово. 1918. № 11, 27 янв. (9 февр.). С. 1. То же: Последние новости. 1920. № 83, 1 авг. С. 2).*

«Вижу, — вползает ко мне раз мужик на коленях <...> Тут я и упал с ружьем в бесчувствии». — Здесь и далее Д.С. Мережковский с небольшими сокращениями и неточностями цитирует фрагменты статьи «Влас» (1873) из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. К этому же тексту Мережковский обращается в работе «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии». См. также «Записную книжку. 1919–1920».

...Дионисовское и Аполлоновское... — Диалектически взаимосвязанная пара понятий, введенная в эстетику Ф. Ницше (см. «Рождение трагедии из духа музыки», 1872) для обозначения двух начал бытия, олицетворения которых философ видел в образах Аполлона и Диониса. См. подробно: *Розенталь Б.Г. Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 119–135.*

...«Не Моя, а Твоя да будет воля». — Лк. 22:42. Это же высказывание приводится Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

...«Я победил мир». — Ин 16:33. Это же высказывание приводится Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

Человек — не только мужчина и не только женщина; человек — мужчина и женщина вместе. — Мужское и женское начала понимались Д.С. Мережковским не столько в буквальном (физиологическом), сколько в метафизическом смысле — как абстрактные духовно-психологические категории, «полюса мира». В некотором роде представления писателя о поле напоминают не только известные размышления В.С. Соловьева из трактата «Смысл любви» (1892–1894), но и австрийского философа О. Вейнингера, утверждавшего в книге «Пол и характер. Принципиальное исследование» (написана в 1902 г., опубликована в 1903 г., русские переводы — с 1908 г.), что ни один человек не может быть абсолютным мужчиной или женщиной. См. подробно: *Сарычев Я.В. Эрос в творчестве Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998.*

...Дионис-Аполлон в женском образе... — Дионис (др.-греч. Διόνυσος, Διώνυσος) — младший из олимпийцев, бог виноделия. Аполлон (др.-греч. Ἀπόλλων) — бог света, покровитель искусств.

...Аполлон-Артемиды в мужском образе... — Если Аполлон олицетворяет Солнце, то его сестра-близнец Артемиды (др.-греч. Ἄρτεμις), богиня охоты и плодородия, — Луну.

«Я не то, что вы думали; я не мужчина, а женщина; у меня нет порядка, нет власти, нет воли, нет мужества. Я сама не своя. Я ничья. Но я прекрасна и обильна. Придите, владейте мною. Возьмите меня!» Это — призвание варягов. — Д.С. Мережковский переладывает на свой лад известное по «Повести временных лет» обращение славянских послов к варяжскому племени русь 862 г.: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами» (перевод Д.С. Лихачева).

«Государство, — говорит Аксаков, — никогда у нас не обольщало собою народа; вот почему, хотя и были случаи, — не хотел народ наш облечься в государственную власть, а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному государю, сам желая держаться своих внутренних жизненных начал»... — Д.С. Мережковский с небольшими пропусками и неточностями цитирует работу поэта, критика, историка, одного из идеологов славянофильства Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860) «Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьева. По поводу I тома» (ср.: *Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетск. тип., 1889. Т. 1. С. 44–62).* Это же высказывание приводится Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

В самодержавии утоляется та «коренная духовная потребность русского народа — потребность страдания», о которой говорит Достоевский. «Страданием своим русский народ как бы наслаждается». — Д.С. Мережковский цитирует статью «Влас» из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского. Это же высказывание приводится Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

Петр кончил старую византийскую Россию и начал новую. — Образ Петра I (1672–1725), последнего царя всея Руси и первого императора всероссийского, становится центральным в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» (впервые полностью: Новый путь. 1904. № 1–5, 9–12; Вопросы жизни. 1905. № 1–3). См. подробно: *Полещук Л.З.* Образ Петра в романе Д. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» в контексте «петербургского мифа» // Античность и христианство в литературах России и Запада. Владимир: Изд-во ВГГУ, 2008. С. 142–146; *Билибина И.А.* Взгляд Д. Мережковского на Петра I в романе «Антихрист. Петр и Алексей» // Проблемы литературоведения с точки зрения молодых ученых. Орел: ОГУ, 2009. С. 34–42; *Плешкова О.И.* Образ Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Вестник Алтайской гос. пед. акад. Серия «Гуманит. науки». 2010. Вып. 4. С. 63–71.

...как думают славянофилы... — русские общественные деятели в России конца 1830-х — 1850-х гг., сыгравшие большую роль в формировании национально-патриотической идеологии. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин.

Русский анархо-коммунизм... — Главным теоретиком, придавшим идее анархо-коммунизма стройную, законченную форму, считается Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921), с которым Мережковские познакомились во время своего «добровольного изгнания» в Париже 1906–1908 гг. Об этой встрече З.Н. Гиппиус рассказала в письме к В.Я. Брюсову: «А знаете, кто самый мирный и добрый человек на свете? Кропоткин. Это такой славный и безобидный дядя, что его только по лысинке хлопать, да чай с ним пить. Всё о муравьях, да о пчелках, и дочку, главное, свою любит, “Сашок” ее зовут. Наряжает, веселит. Вот так анархист! Пожалуй, мистические наши, и те страшнее» (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 82. Ед. хр. 39. Л. 5об. — 6). Изначально Мережковский видел в анархизме ростки «нового религиозного сознания» (см. статьи «Меч» и «Предисловие к одной книге», вошедшие в авторский сборник «Не мир, но меч. К будущей критике христианства»).

...толстовское «Царство Божье», осуществляемое Пугачевым-зверем... — «Царство Божие внутри вас...» (1893) — трактат Л.Н. Толстого. Подробнее о Мережковском и Толстом см. примеч. к статье «О патриотизме (Отрывочные заметки)». О Е.И. Пугачеве см. примеч. к статье «Упырь».

...нищенское царство «Антихриста»... — См. книгу Ф. Ницше «Антихрист. Проклятие христианству» (1895).

В политике соблазнил ее первый шпион... — Первое публичное обвинение В.И. Ленина и большевиков в связях с немецкой разведкой появилось в ходе июльских событий 1917 г. 5 (18) июля в газете «Живое слово» вышла статья Г.А. Алексинского и В.С. Панкратова «Ленин, Ганецкий и Ко — шпионы!».

...«Так говорит Господь Бог Саваоф: обнажу срамоту твою, дочь Сиона». — Ис. 3: 16–17.

Иван Карамазов сказал: «человек есть Бог»... — Отсылка к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (см. гл. «Братья знакомятся» из книги пятой «Pro и contra»). Это же высказывание приводится Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

...«Отнимется у него сердце человеческое, и дастся ему сердце звериное». — Дан. 4:13. Это же высказывание приводится Мережковским в романе «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (кн. 17, гл. XV; впервые полностью: Мир Божий. 1900. Кн. I–XII) и «Записной книжке. 1919–1920». См. также статью «Сердце человеческое и сердце звериное» (впервые: Речь. 1909. № 38, 8 (21) февр., с подзаголовком «О социализме»), вошедшую в сборник «Большая Россия».

...«грабь награбленное!» — Политический лозунг, впервые использованный В.И. Лениным в январе 1918 г. как аналог марксистского выражения «экспроприация экспроприаторов». Ср.

с текстом «Царство Антихриста: Большевики, Европа и Россия» (впервые: Общее дело. 1921. №№ 195–198, 26–29 янв.): «Весь буржуй — собственник. А что такое собственность? Если не экономическая проекция метафизического понятия личности — “где я, там и мое”, — то грабеж — и тогда: “грабь награбленное”, — буржую на это по существу возразить нечего: он провалился весь» (*Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николукина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 24*).

У царя Николая был Распутин... — См. примечание к статье «Ангел революции». Здесь и далее до конца I части статьи встречаются дословные совпадения с «Записной книжкой. 1919–1920».

...безумие хлыстовских радений... — Интерес Д.С. Мережковского к хлыстам, одному из старейших русских внецерковных религиозных течений (сект), воплотился в романе «Антихрист (Петр и Алексей)». В «Автобиографической заметке» (впервые: Русское слово. 1913. № 65, 19 марта (5 апр.)) писатель вспоминает о том, как ездил для изучения быта сектантов и староверов на Светлое озеро, где находится, по преданию, невидимый Китеж-град. Дневник этой поездки («Светлое озеро») З.Н. Гиппиус опубликовала в «Новом пути» (1904. № 1, 2). Мережковский также вспоминает свои беседы с раскольниками и сектантами в статье «Революция и религия». См. подробно: *Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М.: НЛО, 1998.*

...октябрьской контрреволюцией... — Если Февральскую революцию Д.С. Мережковский принял восторженно (первое время симпатизировал А.Ф. Керенскому, с которым его связывали давние приятельские отношения), то Октябрьскую расценил не иначе, как наступление «царства антихриста», торжество «грядущего хама».

«Нет, только меньшинство право», — возражает Ибсен... — Слова доктора Томаса Стокмана из пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906) «Враг народа» (1882). Критический очерк «Ибсен» вошел в сборник Д.С. Мережковского «Вечные спутники». См. подробно: *Фридлиндер Г.М. Д.С. Мережковский и Генрик Ибсен (у истоков религиозно-философских идей Мережковского) // Фридлиндер Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб.: Наука, 1995. С. 411–434.*

...Иисус Христос был распят по большинству голосов. — После того как Пилат обратился к толпе с предложением освободить Христа, следуя давнему обычаю отпускать на Пасху одного из преступников, большинство кричало: «Да будет распят» (Мф. 27:22).

...то, что Карлейль называет «почитанием героев»... — Среди трудов британского историка и публициста Томаса Карлейля (1795–1881), исповедовавшего «культ героев», есть работа «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841), которую, судя по всему, имеет в виду Д.С. Мережковский.

...и вошел Торжествующий Хам. — Впервые определение «торжествующий хам» Д.С. Мережковский употребил по отношению к Ермолаю Лопухину, герою чеховской пьесы «Вишневый сад», в статье «Чехов и Горький», которая в окончательном виде вошла в сборник «Грядущий Хам» (СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906). См. подробно: *Корецкая И.В. «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 136–149; Холиков А.А. Забытая история одного текста («Чехов и Горький» Д.С. Мережковского) // Діалогі молодих філологів: колективна монографія. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. С. 52–61.*

Вся европейская культура — «страна святых чудес»... — В стихотворении «Мечта» (1835) А.С. Хомяков назвал Западную Европу («дальний Запад») «страной святых чудес». Позднее это выражение неоднократно использовал Ф.М. Достоевский. Одну из таких цитат Д.С. Мережковский приводит во «Вступлении» к трактату «Л. Толстой и Достоевский».

...анархист Блейхман... — Иосиф Соломонович Блейхман (1868/74–1921) — деятель рабочего движения, с ноября 1917 г. — один из лидеров Петроградской федерации анархических групп.

Ведь предлагается же в конституции советской республики «полное подавление буржуазии». — См. гл. 5, п. 9 Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. Однако Д.С. Мережковский опирается на принятую в январе 1918 г. «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая составила первый раздел будущей Конституции.

...то же, что для Ивана Карамазова «черт с хвостом датской собаки». — Ср. в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского слова Ивана Карамазова о черте: «Раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий как у датской собаки, в аршин длиной, бурый...» (ч. 4, кн. 10, гл. X: «Это он говорил!»).

«Увы, наш Октябрь начался еще в Марте: / Тли по Мартовским алым зорям / Прошли в гвоздевых сапогах. / Душа на ключе, на тяжелом затворе — / Отврат... тошнота... но не страх». — Д.С. Мережковский приводит в одной из редакций строки из стихотворения З.Н. Гиппиус «Тли» (1917).

...«с чистоты не воскреснешь, с погани не треснешь». — Русская народная пословица.

...«вши, евские его, согрели его тело», — говорит Толстой. — В окончательном варианте романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (1869) сказано: «<...> вши, евские тело, приятно согрели» (т. 4, ч. 3, гл. 12). Это же высказывание приводится Д.С. Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

Может быть, с эллинской древности не было такого совершенного гения мужества, гения меры, как Пушкин. — См. примеч. к статье «Есть Россия».

«Глас вопиющего в пустыне: покайтесь, о б р а т и т е с ь — metanoete»... — Мф. 3:3, 8. См. эту же отсылку к Библии в статьях Д.С. Мережковского «Мистические хулиганы» (впервые: Свободные мысли. 1908. № 38. 28 янв. (10 февр.)), вошедшую в книгу «В тихом омуте», и «Поденщик Христов» (впервые: Русское слово. 1916. № 36, 14 (27) февр., с подзаголовком «“Дневник” Л.Н. Толстого»), включенную в «Невоенный дневник. 1914–1916».

«Мы не спасемся, пока не вырвется из наших сердец крик боли и раскаяния, отзвук которого наполнит весь мир» (Чаадаев). — Д.С. Мережковский неточно цитирует письмо П.Я. Чаадаева к А. де Сиркуру 1846 г.: «Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь, когда из наших уст помимо нашей воли вырвется признание во всех наших заблуждениях, во всех ошибках нашего прошлого, когда из наших недр исторгнется крик раскаяния и скорби, отзвук которого наполнит мир» (Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 458–459. Перевод М.О. Гершензона). Петру Яковлевичу Чаадаеву (1794–1856), русскому мыслителю, создавшему в 1829–1831 гг. «Философические письма», Д.С. Мережковский посвятил статью «Чаадаев. 1794–1856», вошедшую в «Невоенный дневник. 1914–1916». В ней дважды (и оба раза неточно) воспроизводится процитированное высказывание Чаадаева (см. гл. III и V). Ср. также с «Записками С.И. Муравьева-Апостола» в романе «14 декабря»: «Россия не спасется, пока из недр ее не вырвется крик боли и раскаяния, которого отзвук наполнит весь мир» (Мережковский Д.С. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 234).

...дерутся два разбойника, два зверя — империализм Германии с империализмом Англии, Франции... — После заключения Брестского мира 3 марта 1918 г. советская Россия вышла из Первой мировой войны, в то время как Великобритания и Франция продолжили военную кампанию.

...по слову Чаадаева, «Европа, что бы ни говорила и ни делала, все еще тождественна христианству». — См. шестое философическое письмо П.Я. Чаадаева. Это же высказывание Д.С. Мережковский повторяет в работе «Царство Антихриста: Большевики, Европа и Россия».

«Глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё» («Апокалипсис нашего времени», В.В. Розанова, 1918). — Д.С. Мережковский с незначительным сокращением цитирует обращение «К читателю» из книги В.В. Розанова «Апокалипсис нашего времени»: «Глубокий фундамент всего теперь про-

исходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства» (*Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад: [Тип. И. Иванова], 1917. Вып. 1. С. 2).*

И уже сейчас не повторяется ли на наших глазах исполинское видение Патмоса? — См. видение Иоанна Богослова (в Апокалипсисе) о конечных судьбах мира на острове Патмос, куда он был сослан. Это же высказывание приводится Д.С. Мережковским в «Записной книжке. 1919–1920».

От Чаадаева до Вл. Соловьева... — Ср. с тем, как Д.С. Мережковский использует эти имена в точно такой же синтаксической конструкции, но уже совсем в другом контексте. См. статью «О религиозной лжи национализма», вошедшую в «Невоенный дневник. 1914–1916». В том же сборнике опубликована речь, сказанная 14 (27) ноября 1916 г. на вечере памяти русского религиозного мыслителя и философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900). См. также статьи Мережковского о нем: «Немой пророк» (Речь. 1908. № 190, 10 (23) авг., с подзаголовком «О Вл. Соловьеве»), «В.С. Соловьев» (Биржевые ведомости. 1915. № 15211, 15 (28) нояб. (утр. вып.)). См. подробно: *Мозговая Э.Я. В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский: грани соприкосновения // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. XIX. М.: РАГС, 1996. С. 112–125; Анненкова Н.В. Значение наследия В.С. Соловьева в формировании религиозно-философских взглядов Д.С. Мережковского // В.С. Соловьев: жизнь, учение, традиции. Екатеринбург: [УрГУ], 2000. С. 10–12; Гайдено П.П. Д.С. Мережковский: апокалипсис «всесокрушающей религиозной революции» // Гайдено П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 327–355.*

...«*видение Распятого*». — Отсылка к статье «Влас» из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: «неимоверное видение предстало» перед героем и помешало надругательству над святыней. Ср. с этой же отсылкой в работе «Царство Антихриста: Большевики, Европа и Россия» (1921): «Весь русский народ сейчас — как этот парень. Не предстанет ли и ему “неимоверное видение распятого”?» (*Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 27).* См. также: «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии» (1939; гл. 19, 20, 24; при жизни Мережковского не опубликована). «Неимоверное видение» Христа упоминается и в книге Д.С. Мережковского «Франциск Ассизский» ([Берлин]: Петрополис, [1938]).

«*Если Ты Сын Божий, вели этому камню сделаться хлебом*». — Лк. 4:3.

Достоевский в «Великом Инквизиторе»... — Поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор» вошла в пятую главу пятой книги «Pro и contra» второй части романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

«*Ибо кто накормит людей, тот и будет над ними властвовать*», — *обещает Великий Инквизитор*. — Вольный пересказ, а не точное цитирование слов из романа Ф.М. Достоевского.

«*Тебе дам власть над всеми сими царствами*», — *обещает дьявол*. — Лк. 4:6.

«*Кто бы ты ни был — Ленин, Вильгельм, Николай или сам дьявол, — только приди, властвуй и накорми!*» — *вот реальнейший вопль наших голодных чрев*. — См. примеч. к статьям «14 марта» и «Упырь».

...«*Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом Божиим*». — Лк. 4:4.

«*Я есмь хлеб жизни*». — Ин 6:35.

«*Повелел рассадить всех отделениями на зеленой траве. И сели рядами*». — Мк. 6:39–40.

Не помог бы и хваленый «учет» Ленина: «социализм есть учет». — Мысль об «учете и контроле» как главном условии правильного функционирования «первой фазы коммунистического общества» прозвучала в работе В.И. Ленина «Государство и революция» (1917) и была повторена в его статье «Как организовать соревнование» (1917–1918).

...«*борьба классов*»... — столкновение и противодействие интересов различных социальных групп. Особое значение понятие «классовая борьба» получило в марксизме. См. о том же в «Записной книжке. 1919–1920».